

Лиса Кедровая

НЕВЕД ТРЕТЬЕГО ЦАРСТВА

Лиса Кедровая
Невед Третьего царства

«Автор»

2025

Кедровая Л.

Невед Третьего царства / Л. Кедровая — «Автор», 2025

На ветвях и в корнях Великого Древа раскинулись полные чудес и плодов технического прогресса Тридцать Три царства. В Третьем царстве Запертом государстве, восьмиклассник Алекс из кожи вон лезет, чтобы стать ведуном, равным старшему родичу Георгу. Конечно, кикиморы куролесят, полевики ссорятся, черти окаянные с погодными духами дерутся, да еще теремные волхвы сговорились с учителями и завалили домашними заданиями, но ведь весной везде так. Перед Теремом и школой Алекс притворяется неведом, а всё остальное время оттачивает ведовские навыки. Вернее, так продолжалось, пока однажды изгнанный Алексом в Навь неуспокоенный дух не повел себя как бес. И понеслось! Навья стражница запросила разрешения поискать сбежавшую из Железного царства душу. Горынычи озоруют. Да еще клады Болотной Республики совершили марш-бросок к Алексу в область. Нужно скорее всё исправить. Но так, чтобы не попасться, а продолжать играть в прятки, дабы не обречь себя и близких на ужасный конец.

© Кедровая Л., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Весело ли ведать?	5
Глава 2. Зайцы и шиши	14
Глава 3. Наперегонки с Цепковской сворой	28
Глава 4. Крутим-вертим	40
Глава 5. Тренировочный зал	52
Глава 6. Неожиданные гости	62
Как главный знахарь Цепкова донял	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Лиса Кедровая

Невед Третьего царства

Глава 1. Весело ли ведать?

За шесть лет до начала событий

День выдался жаркий и пыльный. Стёкла автомобилей на мосту и окна домов сверкали на солнце. За плоскими крышами многоэтажек в золотой дымке утопал лес на горе. На клумбах и в трещинах тротуара нагло пробивались одуванчики. За оживленной мостовой с пронзительным гудением промчался поезд.

Экскурсия второго «А» на ипподроме закончилась раньше времени, а выделенный «Теремом» автобус заберет их только через двадцать минут.

Одноклассники Алекса столпились сбоку от ворот ипподрома: кто перекусывал, кто звонил родителям или делился друг с другом видео с Буреславой.

– У меня получалось заснять на этот телефон домового! – оправдывался готовый заплакать Серёжа.

– Спокойно, дружище, – Захар похлопал его по плечу.

– Попробуй пропустить через приложение распознавания неисчислимов, – посоветовал Алекс.

Ну вот, опять телефон Серого через раз неисчислимов фотографирует. На снимке дорожка, барьер и больше ничего.

Под конец экскурсии к ним вывели вороную кобылу с золотой гривой. Увидели ее, конечно, далеко не все. Немудрено, ведь Буреслава – грозная лошадь из небесного табуна – дух-покровитель туч и дождя.

Одноклассники Алекса бросились фотографировать воздух слева от бородатого, похожего на медведя конюха, чтобы потом посмотреть на Буреславу через приложения в телефонах. Алекс тоже пару раз ее щелкнул, чтобы не выделяться.

– Копытами выбивает молнии. Страшна для лукавых. В нашем Третьем царстве не водится, – вещала присланная из «Терема» сухопарая, какая-то бесцветная тётенька-экскурсовод. – Мы знаем, что пока только трое из вас могут ведать...

Эм, да. Ведунами называют всех людей, способных видеть неисчислимов и творить заговоры. Талант в каком-либо виде ведовства называют умением, а еще у человека может быть участь, то есть предназначение. Каждый человек в своей жизни хотя бы некоторое время способен ведовать. Если провалить инициацию или отказаться от ведовского умения, перестанешь быть ведуном. И очень редко рождаются люди, лишённые ведовского умения, – неведающие, неведы. Плохо такому несчастному приходится. Ведь нет числа духам, чертям и бесам. Потому и зовут их неисчислимы или попросту неисчислимы. Люди, вне зависимости ведают они или нет, постоянно окружены этими существами, и если не соблюдать простые правила общения с ними, то можно их разгневать.

Обиженный неисчислимом и проклясть может, и что еще похуже сотворить.

Тётенька-экскурсовод попросила двойняшек, Милу и Аду, вместе с ними Лёню подойти и принялась их расспрашивать, как четко они видят Буреславу.

Алекс им не завидовал. Сказать, будто эта троица ведаёт, пока что можно только с натяжкой. Для начавших ведать ровесников неисчислимы казались теньями или быстро передвигающимися темными комками.

Алекс же видел чёрные лоснящиеся бока Буреславы так же ясно, как Нику и Вадика. Золотые грива, хвост и копыта грозной кобылицы ослепляли. Алекс долго тер слезящиеся

глаза, после чего стал разглядывать свои ботинки. И всё-таки краем глаза он видел зачарованную кобылицу. Буреслава гарцевала на месте. Красовалась.

– Виолетта Юрьевна, – нервная мама Сони поправила сумочку на плече, – мы с Сонечкой говорили вам, у нас запись в поликлинике...

Мама Кочкина не стала дожидаться, когда мама Сони договорит, и, не отрывая взгляда от экрана телефона дорожной модели айэмфона, громко возвестила, что записана на маникюр, схватила драгоценного сыночка за руку и поцокала на каблуках прочь.

Кочкин, плакса и стукач, на прощание проныл еще разок:

– А дэшки в питомник цмогов поехали.

Алексу до его нытья не было никакого дела. Он в очередной раз окинул взглядом людей и бесов на тротуаре моста, обернулся к пустой тропе между бетонными квадратами забора ипподрома и запруженной автомобилями мостовой. Из прижавшегося к забору запыленного куста сирени на проезжающие машины глядели сиреневые совиные глаза. Цвета коры сиреневого куста шерстка. Лохматый. Не больше кошки.

Алекс знал, что это подкустовник, а точнее сиренник – дух сирени. Он огляделся. Классную руководительницу о чём-то расспрашивала бабушка Серёжи. Неисчислима никто не замечал.

Алекс быстро шагнул к кусту, присел на корточки, параллельно доставая из рюкзака яблочную слойку. Георг говорил ему, что большинство неисчислимов обрадуются выпечке. А эту слойку мама испекла.

– Прими, – шепнул он.

Подкустовник осторожно забрал угощение, скрылся в листве и тут же высунул лапку. Коготки на ней длинные, кривые, как сучки. На мохнатой серой ладошке лежала круглая коробочка. Крышечка расписана цветами сирени.

– Покажет, удержит, спасет, – прошелестел куст.

– Благодарю, – выдохнул Алекс, коснулся подарка, тот цзинькнул и исчез.

В рюкзаке цвикнул телефон. Алекс проверил: появилось новое приложение с сиреневым букетом на иконке. Не каждый раз неисчислимы одаривают за угощение.

Витёк махнул Алексу рукой и пожаловался:

– Прогнали мы через опознавание неисчислимов. Всё равно не видно. Ты чего там расселся?

– Деньги уронил, – буркнул Алекс и поднялся на ноги. – Так через опцию Чудесных, а не Общине Третьего царства. Буреслава в три скока царство пересекает. Она чудесная.

Серёжа нечаянно удалил фотографию, и у него задрожали губы.

– Спокойно, где у тебя удаленные? – Захар ободряюще положил руку Серёже на плечо.

Алекс снова смотрел на мост. По нему ехал зеленый автобус «Терема».

– Разве не Георг тебя должен забрать? – спросил Витёк.

Алекс промолчал.

– Второй «А», построились! Слышите, что я вам говорю? Саша, ох, Алекс, Витя, Серёжа, Захар! Встаньте со своими соседями по парте. Захар, у нас есть трёхместные парты?

Наконец, одноклассники встали по двое и потопали на остановку.

Серёжа под недовольное цоканье Витька искал удаленную фотографию. Соседка Алекса – Карина, болтала с повернувшейся к ней Никой.

Стоящий позади Захар ткнул Алекса в спину и указал через дорогу.

– Разве это не Георг во-он идет?

И правда, старший брат переходил мостовую. Алекс чуть сам себе по лбу не дал. В сторону стоящих боком пятиэтажек он ни разу не посмотрел.

Хоть мощные закрыты и делали Георга незаметным в толпе, но у Алекса была привилегия видеть его как есть: и сейчас брат выглядел чересчур сияющим. Солнечный свет оседал на нём,

так что живописно растрепанная челка казалась медовой. Хотя утром, когда оставлял Алекса у школы, Георг всё еще был шатеном. Теперь же его левый серый глаз по цвету мог сравниться с пронизанной солнечным светом чашей мёда, а правый лучился светло-зеленым светом.

«Солнечную накидку в Прави пожаловали», – обрадовался Алекс за Георга.

Одноклассники Алекса зашушукались.

– О, Гоффман!

– Тихо ты. Он с первого раза инициацию прошел, а ты грубишь.

– Он в девятом классе.

– Бабушка говорит, Гоффман станет волхвом и переедет в царский двор Тридевятого царства, потому что у него глаза разного цвета.

– Знаю-знаю, слышала, как сестрица Царпова подруге рассказывала.

– Отсюда не видно.

– У Алекса глаза такого же цвета, как правый глаз у старшего родича, – сказал Лёня. – Верно? – И заглянул Алексу в лицо.

Алекс немедленно закатил глаза. Всегда, когда за ним приходит старший брат, Лёня тарашится: цвет их глаз сравнивает.

А Георг уже вежливо улыбался классной руководительнице.

– Добрый день, Виолетта Юрьевна. Я за Алексом Сатановским.

Виолетта Юрьевна, поджав губы, воззрилась на Георга.

– Гоффман, разве вас не забрали на олимпиаду?

Алекс передернул плечами. Классная не поверила, что Георг взаправдашний. Ну, это ничего. Главное, очки классной руководительницы заговорены показывать истинное обличье. Они не отреагируют на накидку или скрывающие, больше известные как закрыти, разговоры на Георге.

Алекс и сам опоясан закрытиями. Когда он общался с сиренником, взгляни на него кто, то увидел бы, что Алекс поднял с земли монетку или оброненный пакет из-под слойки. Так работает один из закрытей. Только Георг и несколько посвященных товарищей разглядели бы, что на самом деле сделал Алекс. Отдельные закрыти маскируют его разговоры с неисчислимами или об неисчислимах и ведовских делах.

– Так и есть. Олимпиада закончилась, – пожал плечами Георг. – Ну, так я – Георгий? Кровный родич Александра Сатановского?

– Вас учили и учили, на какие ухищрения идут некоторые существа, чтобы получить человеческого ребенка на обед... Саша, ох, Алекс, иди сюда. Твоя мама предупредила, что тебя, если успеет, заберет старший брат.

– Двоюродный, – вежливо поправил ее Георг, – по материнской линии.

Самодовольно улыбаясь, Алекс подбежал к старшему родичу. Он никогда не спутает Георга с напялившим его личину неисчислимом, так же, как никакое нечто не сочтет Алекса обедом. Хоть и считается, что времена, когда «ребенка на обед», прошли в юности Виолетты Юрьевны, но время от времени в новостной сводке проскальзывало «съеден», «съедена». И всё же Алекс – совсем другое дело.

Кстати, переименование имени на иностранный лад – это разновидность иносказания, верная защита от порчи и сглаза. Заговор наречения иносказательного имени очень сложный, да еще нужно получить разрешение «Терема».

Среди одноклассников были те, кто Алексу по этому поводу завидовал. Например, Царпов, зануда с манией величия, продолжал раздражённо тарашиться на Алекса из окна автобуса, пока автобус не обогнал пешеходов и не повернул по кольцу.

Алекс с Георгом вышли на пыльную тропу между ипподромом и мостовой.

– Поздравляю?

Алекс кивком указал на солнце.

Георг кивнул в ответ.

– Как тебе экскурсия?

– Скучища! Ты мне всё это уже давно рассказал.

– Лошадей показывали красивых?

– Да-а. Представляешь, что Серый учудил!

– И что же? – улыбнулся Георг.

У него из-за пазухи высунулась змеиная головка с маленькими рожками. Блестящие умные глазки с любопытством воззрились на Алекса. Чудесный помощник домовых – цмог!

Алекс видел таких в Кромке, волшебные змейки шмыгали в подпол и из подпола. Не было им дела до любопытного мальчишки.

– Ух ты! Это наш?

– У нас с тобой нет просторного подпола. Григорий просил доставить в Библиотеку. Пойдем вместе?

– Само собой.

Библиотека была устроена у сестрицы в Тридесятом царстве.

– Да. А ты сам ездил в питомник цмогов?

Алекс сначала обрадовался рогатому попутчику, но теперь расстроился. Лучше бы он вместо ипподрома отправился вместе с Георгом.

Погодите, это за сколько же Георг написал олимпиаду?

– За ним Горислав съездил.

– А-а, – разочарованно протянул Алекс и огляделся в поисках угловатой фигуры. – И где он?

– Кто?

– Цепков.

– Помогает богатырям на Заставе. «Терем» припахал.

– Ясно.

Алекс лучился от счастья.

Георг, конечно, спросит, сделал ли он домашние задания. Но уроки на сегодня и завтра Алекс сделал еще вчера. Даже отчет по сегодняшней экскурсии накатал под порцию мультиков. Нужно только удалить из него, что им не говорили и чего в учебнике нет, а это больше половины.

Цмог поднялся над плечом Георга и развернул крылышки. Они у него, как у летучей мыши, только прозрачные, как целлофановые пакеты, и совсем невидимые, когда прижаты к бокам.

Алекс счастливо улыбался.

В Тридесятое!

С ними цмог и никакого Цепкова. Может, сестрицу увидят. Финиста им обрадуется.

Как же ведать весело!

Через полгода

Вадик, хороший футболист и крепкий троечник, стоял на краю заваленной мусором лужи. Мама собралась делать настойки от простуды и потому послала Вадика набрать воды из родника, пока они с тётёй Риммой собирают коренья.

На горе с лесом много безымянных родников. Всё лето Вадик ходил к далекому роднику, что выбегал из-под берёзы. Но теперь куда делся их родник над жёлтым оползнем? Тут всё изменилось. Весной не было ни валуна, ни лужи с помойкой. Точно, родник за тем камнем.

Ну не забросали же мусором питьевую воду?

Вадик посмотрел на покачивающуюся на воде обертку от мороженого.

– Лужа тухлая... – буркнул он.

Тут же из мусора высунулась покрытая язвами рука и схватила мальчика за ногу. Вадик упал. Над головой сомкнулся мусор. Вадик пытался вырваться, но струи воды скрутили его, словно веревки. Грязная ледяная вода хлынула в горло.

Не лужа! Замусоренный родник.

Он назвал тухлой лужей родник!

В голове прозвучал отчаянный крик: «Я умру?! Что станет с мамой? Она же останется одна!»

В тот же миг его выдернуло из воды.

Вадик закашлялся и отполз к кустам. Вода бурными ручьями стекала с него на подстилку из опавших листьев. Он не чувствовал обжигающего холода ветра и то, что всё еще сжимал ручку пластикового ведра. Его била крупная дрожь. Он чуть не погиб.

Но кто его спас?

Вадик обернулся и увидел, что перед родником на корточках сидит его одноклассник Алекс. Ветер трепал его волосы, а рукава и грудь синей крутки потемнели от воды. Однако Алекс не обращал внимания на пронизывающие ледяные порывы и что-то втолковывал замершему перед ним неисчислиму, судя по всему, духу загрязненного родника.

Трясаясь от пережитого ужаса, Вадик сообразил-таки, что Алекс ведает. Наверное, летом начал.

Для Вадика хозяин родника выглядел, как сгусток воды с покрытыми язвами руками и сверкающими глазами. И вот ему-то Алекс говорил, Вадик решил, что ослышался... про вафли?!

Он еще не знал, что так работает закрыть, маскирующий от непосвященных ведовство Алекса. Конечно, Алекс ничего не говорил водяному про вафли, он выражал сочувствие, сожалел об утраченной живительной воде, просил отпустить Вадика и предлагал помощь.

Наконец, неисчислимы согнулся.

«Кланяется», – понял Вадик.

После чего хозяин бывшего родника погрузился в воду, только мусор покачнулся.

Алекс обернулся. Вадик отпрянул и наткнулся спиной на куст боярышника. И даже потом Вадик вспоминал этот полный отчаяния взгляд.

– Не рассказывай никому, что я ведаю, – умоляюще попросил Алекс дрожащим голосом.

– К-конечно, – у Вадика самого зуб на зуб не попадал. – Я п-просто упал, а ты меня выгаташил.

Нужно подкрепить...

Он уколол об иглу боярышника палец. Темно-красная капля упала на ярко-жёлтый лист вяза.

– К-клянусь, я никому не скажу, что ты теперь ведаешь, – сказал он, как ему показалось, торжественно, на самом деле жалобно и клацающая зубами.

Алекс кивнул, сунул руки в карманы и передернул плечами.

Вадик, наконец, понял, что Алекс замерз. Сам же он по-прежнему не чувствовал холода, после пережитого ужаса он не понимал, что его колотит.

Вдруг Вадик чуть в колючий боярышник не запрыгнул. Рядом с ним неожиданно возник тощий паренёк. Весь он какой-то блёклый, жёлто-серый, угловатый. Даже короткие волосы цвета льна казались серыми. Светлые глаза в вечном прищуре, а тонкие, бесцветные губы презрительно искривлены.

Вадик видел этого парня раньше. Цепков, Горислав Цепков, кажется. Алекс его не жалуется. Он ведун, что порчи наводит.

Что ж это получается? Алекс пришел в лес с порчельником?

Цепков схватил Вадика за плечо, глянул в ему глаза и вот уже встал между Алексом и замусоренным родником. Он склонился над колышущимися банками и обертками и зашептал. Мусор вдруг просел: вода провалилась сквозь землю.

Но Вадик этого не понял, а Цепков резко обернулся к нему:

– Это был водяной родника. Я изгнал его сквозь Мать Сыру-Землю. Понял?

Голос у него хриплый, сорванный.

– Да, – закивал Вадик. – Только не говорите маме.

– Не получится, – презрительно плюнул Цепков и позвонил в «Терем».

Алекс недовольно вздохнул. А утро обещало быть удачным.

Пару часов назад

Сегодня Алекс прощался до весны с хозяевами родников и ключей. Георг отправился в «Терем» и сопровождать младшего брата послал Сению Льнова и Петю Козлова, ребята были старше Алекса на два года.

Их компания с рассвета по лесу бродила.

Утро выдалось промозглое. Осенняя дымка стелилась между почерневшими стволами деревьев. Пётр Козлов – немногословный коренастый темно-русый мальчуган – ходил в шкуре медведя и ревел. Иногда ему отвечали другие берендеи.

У берендеев связь с тотемным предком столь велика, что они с рождения перекидываются в медведя и обратно без обряда передачи сил от тотема. Они и в человеческом облике сильны, как косолапые. И в медвежьем обличии, как вещицы или волкодлаки, не теряют человеческого разума.

В этом лесу нет ни медведей, ни волков. Только лисы и зайцы, привычные к разгуливающим берендеям.

Алекс злился. Слушай тут вопли Козлова.

Так продолжалось, пока к ним из-за сосен не вышел знахарь Истидар. Он кивнул Алексу и, не отрывая раздражённого взгляда темно-серых глаз с Козлова, медленно подошел к берендею.

– Прекрати, – холодно приказал он.

Медвежонок Козлов попятился, плюхнулся на пятую точку и принял человеческий облик.

Дальше, к радости Алекса, пошли вместе. При Истидаре Петька реветь не смел, даром что Ист младше берендея на год.

Истидар выкапывал из сырой почвы корень. Кинжал, которым тот пользовался вместо лопатки, так и сверкал в тонких пальцах, а попутно Ист рассказывал Сене Льнову, в какие отвары этот корешок кладут.

Льянная челка упала Сене на глаза, но парнишка не замечал, слушал Истидара с открытым ртом.

Поверх оранжевого рукава Сениной куртки был намотан шнур с медвежьим зубом – оберегом, сдерживающим медвежью силу. Неподалеку владелец медвежьего зуба Пётр Козлов тренировался перекидываться в медведя.

Алекс же на эту идиллию нарадоваться не мог. Только если здесь знахари, где-то должен быть и Цепков.

Алекс поискал взглядом угловатую фигуру и, не найдя, нахмурился.

Цепков что, ослушался?

Алекс терпеть не мог желчного порчельника, но и сам понимал: вряд ли тот отказался выполнять приказ. Где-то собирали ягоды и корешки девчонки-знахарки. А Цепков с Истидаром с этого учебного года однокашники, наверняка им опостылело видеть друг друга и в компании, и в школе, и в Тридесятном. Вот порчельник и пошел охранять девчонок.

На очереди был небольшой родничок на склоне за пределами леса. Вот и валун, из-под которого он выбегает.

Алекс резко остановился. За валуном стоял его собственный одноклассник Вадик Вьюжин.

Алекс юркнул под иву и на полусогнутых двинулся мимо кустов боярышника.

Вадик, конечно, не разглядит водяного, будет видеть колышущуюся над водой тень. Закрывать закрытыми, но если Алекс и хозяин родника поприветствуют друг друга, Вадик поймет, что Алекс делает что-то очень странное. Алекс же не собирался рисковать тайной своего ведовства. Он заметил ведро в руке одноклассника.

Ну, давай набери воды и уходи!

В итоге вместо теплого обещания встретиться весной Алекс провел обряд отведывания, возвращающий похищенного неисчислимом человека, и уговорил духа родника переехать в царство рек и озёр – Белозерье, куда и открыл ему проход. Цепков проклял просто кучу мусора.

Прибывшие из «Терема» волхвы не нашли ничего, кроме ямы с мусором и следов проклятия Цепкова. Вадик сказал им, что Алекс вытащил его из воды, а Цепков изгнал водяного.

Правда заключалась в том, что Цепков к переезду духа родника отношения не имел. Только след от разговора Алекса с водяным не обнаружить, а вот от проклятия Цепкова – запросто. Оно еще и отведывание Вадика идеально прикрыло.

– Вероятно, хозяин родника провалился сквозь Матушку-Землю, – сказал усатый волхв кучерявому напарнику. – Хорошая работа, парень, – похвалил он Цепкова.

Цепков еще сильнее скривил губы и отвернулся.

Волхв пожал плечами: потомственный страж всё-таки растет.

Как только теремные с Вадиком ушли, Алекс отправил Истидара напрямик в Белозерье, где возле Синь-горюч-камня его ждал дух родника. Знахарь вылечит язвы и передаст традиционное осеннее подношение от Алекса: лесной орешек и кисть красной рябины.

Подшли Льнов с Козловым. Петя в человеческом облики, распаренный, отдал свою куртку Льнову. Неподалеку зарычал другой берендей. Козлов перекинулся в медведя, коротко ответил и замолк, ведь Истидар мог вернуться в любой момент.

Между осинами, скрестив руки на груди и ссутулив плечи, взад-вперед ходил Цепков. Это он от досады. Всё еще дуется, что ему приказали охранять знахарей.

Солнце по-осеннему пригревало. Алекс прислонился спиной к берёзе на краю леса и прикрыл веки. У него перед глазами так и стояло изъеденное язвами лицо духа-хозяина родника и раны, нанесённые мусором. А еще мокрый, дрожащий Вадик. Алекс никогда не видел приятеля таким испуганным.

Родник превратили в свалку. Дух родника заболел от мусора. Убей он живое существо, превратился бы в кровожадного духа. Дух родника это знал и желал этого. Он хотел отомстить.

Истидар вылечит язвы. А Вадик не будет возражать, и Георг наложит на него закрыть. Вадик не сможет рассказать кому-нибудь про ведовство Алекса, вернее, сможет говорить о том только с Алексом.

Не разоблачен, а Вадик жив.

Пронесло!

Налетел ветер. Посыпались листья. Ветер словно сдул солнечное тепло.

Алекс передернул плечами и открыл глаза. Он стоял на вершине покрытого линиями гаражей склона. За гаражами красные и зеленые крыши частных домов сверкали в жёлтом ковре деревьев. Над ними возвышались серо-белые прямоугольники и цилиндры – многоэтажки, мало их. Больше всего плоских крыш пятиэтажек и треугольных крыш трёх и двухэтажных домов. Город подступил к лесу и вскарабкался на противоположный склон. Увидеть его весь мешали выступающие вперед соседние холмы.

Хоть и говорят «лес на горе», на самом деле лес расположен на гряде холмов, чьи пики назвали горами. Местная Лысая – тоже холм. Тут уж главное – возвышенность.

Слева зажатая между домами полоска полей расширяется и уходит вдаль. С одной стороны возле полей – ипподром, а с другой – дом Алекса. Отсюда его не разглядеть: скрывают деревья. За городом поля объединяются с жёлто-зеленым склоном и тянутся до горизонта. Справа из-за других холмов блестит река. Соседний берег утопает в дымке. А на противоположном склоне легко угадывается главное здание «Терема»: травянисто-зеленая, устремившаяся ввысь коробка.

Конечно, хорошо, что есть такая организация, как «Терем».

Каждый человек хотя бы на время становится ведуном. Младенцы видят неисчислимов, затем перестают. Потом подросшие люди снова начинают видеть, сначала нечетко, затем ясно, у них проявляются способности к ведовству. Почти все взрослые ведают. А «Терем» – проект министерства по развитию ведовства и регистрации ведунов, помогает освоить ведовское умение. А также следит, чтобы люди и неисчислимы не ссорились.

Только вот кто-то превратил родник в свалку. А Вадик не был готов к нападению озлобленного водяного.

Цепков заглянул Вадику в глаза – он так с новоиспеченными порчельниками поступает, и мгновенно определил, что Вадик не справится. Жаль.

Алекс искал взглядом разбросанные по городу и склонам Врата. Потемневшие от погоды, потрескавшиеся от времени, без заговорённой резьбы и начертанных символов парные столбы, или высоченные парные сосны или ели. Он нашел те, что рядом с домом: огромные сосны между железными путями и мостовой – проход в Кромку.

Выросли царства на Великом Древе.

В кроне Верхний мир – Правь, у корней Нижний мир – Навь, а Срединный мир – Явь, на ветвях посередине. Самое Явское царство, Третье, обернуто Кромкой, как бутонем. Ниже-выше стоят на ветвях другие царства. В Прави – Первые царства, в Нави – Вторые, в Яви – Третьи.

Пространство между ветвями-царствами заполняет Небытие – так называемая тень Кромки.

В стародавние времена можно было из Третьего государства дойти пешком до Тридевятого царства или в Ирий к предкам пробраться. Но потом всё изменилось: появилось Небытие, а вокруг Третьего царства обернулась Кромка – Нулевое царство.

Тогда погибло Великое Древо, и великая Богиня-Мать всего сущего приняла его ипостась и до сих пор держит царства на своих ветвях.

Тогда же благословлённые богом Чуром появились Явские послы, ведуны – хранители путей, границ и переходов. Они проложили между Третьим царством, Кромкой и в Закромских землях врата, воротца, калиточки. Еще Явские послы дали безвременный указ богатырям: «Все, кто дал присягу, могут из любого царства переместиться к Заставе, что опять же в Кромке находится».

Явские послы могли здесь и сейчас открыть переход в любое царство. А теперь врата-калиточки – единственный верный способ сообщения Третьего государства с другими царствами.

Ну, можно, конечно, поехать в другую область страны или за границу. Оттуда на поезде или самолете заехать или перелететь на соседнее Древо в Мировой Роще, или, скажем, сплавать на корабле на остров Лемурию. А оттуда уже прямым рейсом или с пересадкой прилететь на самолете в одно из Явских царств.

Алекс тихо вздохнул. Ему еще надо пройти по всем родникам на склоне с другой стороны леса.

Вернулся Истидар и продолжил искать коренья.

Пётр услужливо предложил подвезти. Алекс попросился с Истом и сел медведю на спину. Мишка Козлов, шурша опавшей листвой, бодро потопал рядом с тропой. Льнов шел за ними, вертя на пальце шнур с медвежьим зубом.

Глава 2. Зайцы и шиши

Треклятый «Терем»!

Весна, конец апреля, а теремные как с начала учебного года навалились, так и не отвалили! И это в восьмом классе, когда экзамены в девятом! Неужели нельзя готовить ведунов к инициации в корпусе «Терема», а неведов не напрягать!

Алекс вылетел из подземного перехода и помчался мимо кирпичного забора завода, словно за ним гнался индрик-зверь.

Да что там индрик-зверь?!

Будто его преследовал Велесов потомок. Велесовичи гораздо хуже индриков. Тем более что сегодня Алекс был сыт индриками по горло. Утром убежался, выдворяя этакую шкуру с рогом в Тридевятое.

У трёхметровой зверюги лосиная морда с малым рогом на носу и массивным рогом промеж налитых кровью маленьких глазок. Лохматое тело кабана на мощных, как у слона, ногах. У индрика не копыта, а три когтя. Маленький хвостик, точь-в-точь как у носорога. А из пасти торчат кривые клыки.

И вот эта громадина пугается любого шороха, тут же приходит в бешенство и атакует.

А еще индрика земля не держит, наделал гад в акациевой аллее дыры. Спасибо Земле-Матушке, откликнулась, и затянулись провалы. По крайней мере, индрик до асфальта не добрался. А вообще, индрики в то место, где в землю провалились, клады притягивают.

«Ну, меньше месяца осталось до дня Симона Зилота, вот и проверим», – думал Алекс.

Но чтоб его этот «Терем»! Если бы не это треклятое умение!

Умения делят по талантам: чаровничество – оно же заклинательство, все ведающие сколько-нибудь – чаровники.

Знахарство-лекарство. Истидар – воплощение этого таланта.

Ведуны, обладающие талантом и умением вещицы, в отличие от природных оборотней, могут принять личину любого существа и предмета. Зинка Юлова в клубок шерстяных ниток на три с половиной часа перекидывалась.

Георг перед «Теремом» разыгрывает из себя сновидца, умение с талантом провидца.

Среди живых людей, способных влиять на погоду (умение погодничество), чаще всего рождаются облакопогонники.

По способу воспроизведения тайных знаний среди ведунов встречаются чтецы, шептуны, певцы. Кстати, письмо ведовских знаков – навык, которому обучают всех. Не уметь чертить охранные круги – это себя не уважать. И «Терем» такой вольности не позволит.

По энергетике ведунов делят на ладников, нейтралов и проклятушников.

Проклятушники – люди, способные сплести или проклясть, это, конечно, порчельники. Только не рождалось в Яви проклятушников, способных проклинать каждым произнесённым словом или взглядом сутки напролет.

Знахари же ладят пациентов, пострадавших от порчи и проклятий. Но больше всего в обществе нейтралов, людей со слабо выраженным потенциалом проклинать или ладить.

При наличии любого таланта, без разницы с какой энергетикой, человек по участи-предназначению может оказаться богатырём, Иваном-дураком, Марьей-искусницей...

Еще ведунов разделяют по тому, как они получают ведовские знания. К кому-то во сне приходит предок либо другой ведун и передает премудрости семейного умения. Кто-то находит наставника в лице ведуна или неисчислима.

Например, знахарей, специализирующихся на лечебных травах, часто учат лешие.

У Явских послов тайное знание передается от одного к другому, иногда их учителями становятся духи – подчиненные бога границ Чура.

А кто-то проводит обряд вызова своего тотема, от которого получают не только тайные знания, но еще и чудесных помощников.

Для большинства, когда умение просыпается, начинается зубрежка заговоров и составов отваров; накачивание мышц богатырями и духовные практики, которые в современном ритме жизни так необходимы ведунам, чьи души ненадолго выходят из тел.

Есть и такие семьи, в которых тайное знание передается от умирающего члена семьи через предмет. Например, в Триседьмом царстве, Белозерье, есть боярский род, главное ведовское знание в нём передается через очень древнюю, якобы привезенную из Византии ночную вазу. Тотемы и передача через предмет буквально вкладывают тайные знания в голову хоть ведуна, хоть неведа. А невед после этого еще и начинает ведать, становится ведуном.

Каждый ведун и даже невед немножко чаровник. «Терем» следит за тем, чтобы все знали минимум бытовых и защитных заговоров. Помимо врожденного умения, можно овладеть и другими тайными знаниями. Тех, кто это сделал или достиг вершин в своем умении, называют волхвами.

Каждый работник «Терема» – волхв, владеющий несколькими умениями.

Алекс же для «Терема» и школы – невед. В нём не нужно искать умение. Только мало того, что почти все уроки в восьмом классе касаются ведовских умений, так еще теремные волхвы устраивают внезапные проверки. Вот сегодня после алгебры, последнего урока, была очередная встреча.

На встречах ты, хе-хе, встречаешься с неисчислимыми. Неисчислимы – они везде. И «Терему» важно знать, насколько каждый человек, ведун – не ведун, знает, как себя вести с такими существами.

На встрече нужно узнать неисчислима-гостя и либо пообщаться с ним, либо рассказать экзаменаторам всё, что про него знаешь.

Алекс час колотый, гораздо дольше одноклассников промаялся в кабинете музыки в окружении солнечных зайчиков. А до этого его отчитали, мол, рубашка в школу должна быть только из утвержденного комплекта школьной одежды.

Какая разница?

И вообще, на этой оберегов в три раза больше, чем на школьной!

На встрече зайцы прыгали по стенам и скамейкам, а Алекс сидел за роялем, наигрывал мелодию приветствия солнцу, одну из трёх мелодий, которые знал, и вещал:

– Скользящие по стенам солнечные пятна – это либо солнечные зайчики, либо духи карманных фонариков. И те и другие не опасны. Зайчики очень редкие и живут в Прави – в Солнечном царстве. Они выглядят как обычные зайчата. Только на самом деле солнечный заяц – оживший, теплый и мягкий сгусток света. Он не спит глаза, а за пазухой согревает в лютый мороз.

Этой зимой Алекс с таким зайцем под курткой пожал руку духу холода и не обморозил пальцы.

– А духи фонариков – дружелюбные неисчислимы Третьего царства. Селятся в квартирах под диванами. Если неожиданно выключится свет, они вылетают и светят вместо лампочек. Дальние родственники электрических духов...

Заяц запрыгнул на рояль. Клавиши под пятном света не опустились. Алекс отшатнулся и свалился со стула.

Волхвы из «Терема» бросились его поднимать.

– Это было неожиданно, – со страдальческой миной пробормотал он, опираясь на руку высокого волхва. – От этих существ не защищаются. Я просто не ожидал.

Эти слова дались Алексу тяжело.

Заяц на рояле смотрел на него с укоризной. Солнечных зайчиков не принято гонять заговорами. И обереги на них не действуют. К тому же зачем отмахиваться от комочка тепла и света?

Из школы Алекс вышел, всё еще плаваясь от стыда. Но если проваливать встречи и контрольные работы по ведовству, придется ходить в летнюю школу при «Тереме». Алексу хотелось, чтобы в его жизни было как можно меньше «Терема». И для неведы реакция Алекса на зайца была идеально естественной. Даже ведуны не всегда видят неисчислимов и тоже могут испугаться самого миролюбивого духа, если тот внезапно перед ними появится.

Алекс сбавил шаг и свернул в Тупик на широкую дорогу между заборами заводов. Здесь нельзя бегать. Этот каменный коридор поделен между стаями собак. Тупик почти посередине поворачивал влево, так что выхода из него на этом участке пути не было видно. Зато отсюда виднелись Сосны-Врата.

Соседство железных путей и мостовой неслучайно. Близость врат позволяет отправлять поезда в Кромку и обратно. Предпредыдущий владыка границ и переходов это устроил. Ближе всего к Вратам находится первый путь. В определенное время поезда отправляются по нему в Кромку, в то время как другие – по второму пути – из Кромки.

Почти так же автомобильный транспорт. Нужно съехать с мостовой на асфальтовый полукруг. Машина проезжает мимо Врат как раз половину полукруга и выезжает с другой стороны уже в Кромке. Мимо таким же образом из Кромки выезжают в Третье.

Пешеходы же просто в любое время заходят во Врата.

Глядя между Соснами-Вратами, не видно Кромки, только траву позади Врат. Будто эти сосны и не Врата вовсе.

Врата...

Раньше Алекс считал, что став для всех неведом, он будет незаметен на фоне ведающих сверстников.

Как же он ошибался!

Теперь ему казалось, что он стоит посреди стадиона, и все софиты направлены на него. Люди на трибунах тычут в него пальцами и гадают, почему он невед.

«Больше половины класса худо-бедно ведают. Ими бы занимались», – раздражённо думал Алекс.

Учителя и одноклассники всю осень искали в нём способности ведуна. В декабре, наконец, отступились. А вот «Терем» никак не хочет признать, что Алекс войдет в три сотых процента населения Явских царств, кому природное ведовское зрение и умение не даны.

Как же недоверие «Терема» несправедливо!

Вадик после озлобленного духа родника отказался ведать. Теперь он видит только тех существ, что нацепили на себя материальную личину. И ему разрешили взглянуть на зайцев через приложение в телефоне и уйти.

А Соня – тихая, часто болеющая девочка. В «Тереме» считали, что из-за слабого здоровья ее ведовское умение опаздывает. И вот сегодня Васька Арбузова разболтала, что Сонька Облак оказалась здухачкой. Умение погодника у Сони проявилось в прошлый ливень. Теремной знахарь выдал справку, и Соньку перевели на домашнее обучение.

Здухач, где бы он ни находился, перед началом дождя засыпает беспробудным сном. Его душа отделяется от тела и временно становится погодным духом. Летая внутри туч, он следит, чтобы дожди и град не побили землю, или сам направляет непогоду соседу-здухачу. Тогда здухачи дерутся.

Колян Царпов тут же заявил, что Сонька и трёх дождей не протянет, откажется от своего умения.

Что бы он понимал!

Здущачка, пусть слабенькая физически, дух ее крепок. Она в небе будет не слабее богатыря на земле. А Царпов, как всегда: никто не справится, у всех недочеты, а он самый умный, и теремные волхвы его хвалят. Только вот умение у него всё никак не проявится. Большой удар по Царповскому самолюбию.

Алекс тоже не радовался, что Соня оказалась здущачкой, но и не завидовал. Грустно, что теперь внимание будет делиться не на троих, а на двоих. Вернее, Вадик же отказался видеть неисчислимов и ведовать – ведать. С Алекса теперь глаз не спустят.

У Алекса великолепное здоровье, он способный ученик, все его родственники ведают! И он-то вдруг невед?

Как же всё достало!

Нужно было сынициировать нападение неисчислима, после которого он якобы отказался ведать. Но тогда всё равно теремные волхвы попытались бы определить его умение. Вот Вадик, не откажись он ведать, стал бы чаровником: ведуном, предрасположенным к созданию заговоров. Так что хорошо, что Георг предложил Алексу изображать неведа.

Играть с адресацией отказа от умения богу Чуру не следовало, оно могло сработать. В то время они с Георгом не могли заручиться помощью божества-покровителя Алексова умения.

А теперь что?

Продолжаем скрываться. Да не будь Георга, Алекс бы уже давно отказался ведать, как это сделал бывший чаровник Вадик. И всё-таки как высокомерно с рояля глядел солнечный заяц, когда он растянулся на полу.

Алекс вышел из Тупика к железнодорожным путям.

Три часа.

Как всегда, Алексу показалось, что Врата нависли над ним и рассматривают его.

– Разрешаю скорому временному пройти в Третье.

Поднялся ветер. Задрезжали рельсы. И вот к пешеходному переходу мчит сотканный из тумана поезд. Он скрыт и от ведунов. Но даже невед почувствует порывы ветра, услышит характерный стук и подождет, когда рельсы затихнут, а ветер уляжется.

В силу умения Алексу сквозь прозрачные стенки вагонов видно парящих внутри полу-прозрачных парней и девушек – дождевых духов. У каждого по скрученной туче в рюкзаке или по облаку в корзинке-переноске. Всего вагонов двенадцать.

Алекс выдохнул: «Успел, выполнил просьбу Георга: пропустить скорый временный».

«Терем» не заметит, погодные духи постоянно летают между царствами, но на проход скорого поезда нужно разрешение Совета Неисчислимов или одного из послов Яви, Нави или Правы.

В начале месяца Алекс потратил полдня и установил уйму разовых врат для поездов из Грозовой канцелярии. Разовые проходы открываются единожды в заданное время и исчезают, будто их никогда не было. Раньше их делал Георг, а Алекс ему помогал. И вот Георг передал Алексу прошение Грозовой канцелярии, очень похожее на расписание человеческих электричек.

Алекс постарался: после школы, не заходя домой, залез в кусты возле железнодорожных путей и наделал разовых врат. За час до заката он, голодный и усталый, но довольный, побрел домой.

Теперь им с Георгом до зимы не нужно бегать к железным путям, если только Грозвая канцелярия не отправит срочное прошение, как сегодня.

Не успела туманная электричка полностью выехать, как в нее, визжа и вопя, врзался чёрный состав, состоящий из перекрученных между собой чертей. Окаянные отцепились друг от друга и набросились на дождевых духов. Они бодали их рогами, хлестали длинными хвостами, лягали копытами. Некоторые духи выронили переноски. Те раскрылись, и в небе тут же прибавилось облачков. Черти заулюлюкали. Вдруг запахло грозой. Кто-то упустил тучу.

И всё это за пару секунд!

Алекс хотел крикнуть, чтобы они прекратили. Но тут в Третье царство прибыл двенадцатый вагон, и из него вылетели грозовики.

Раздался гром. Черти заорали и бросились врассыпную.

Алекс оперся на нагретые солнцем перила, достал майфон и сделал вид, что кому-то звонит. Сам же глаз не сводил с разошедшихся неисчислимов. Бесы и духи скрыли себя от глаз ведунов, но связанный с Вратами Алекс их всё равно видел.

– Перестаньте. Иначе в Нижний мир спущу, – вкрадчиво прошептал он. – Всех касается. Рога в мозги проросли, что ли, на стихийников нападать? Гости жданные, молнии без грозы – не по уставу.

Алекс не успел досчитать до двух, черти разлетелись, грозовики и дождевые духи поклонились ему и растаяли.

Алекс потер лоб.

Черти, вот гады распоясавшиеся!

Из-за них Грозовая канцелярия до конца мая будет посылать грозы. Опять Георгу работы привалило.

Попала Сонька!

Но и самому Алексу теперь во время дождя нужно быть осторожнее, вдруг здухачка Соня его на ведовстве поймает.

– Не спи у путей, лукавые утащат.

– Не поминай треклятых, – отозвался Алекс и уткнулся в майфон.

Агата, девчонка из соседнего дома, скептически посмотрела на него. Ее взгляд зацепился за ворот рубашки. Алекс расправил плечи. Дорогая рубашка, тонкая работа, обереги на вороте вышиты серебряной ниткой.

Агата разочарованно вздохнула и одернула ярко-красный пиджак. Вероятно, зашла в торговый центр возле своего лица и переделалась в туалете или раздевалке какого-нибудь магазина. А в пакете несет форму. К рубашке Алекса ей не придаться, а вот к чёрной в синеву школьной форме запросто. Только смеяться над Алексом из-за школьной формы для Агаты означало осмеять и лучшую подругу Нику, которая учится в одном классе с Алексом, а еще живет с ним в одном доме, в соседнем подъезде.

Агата посмотрела на ботинки Алекса, прищурилась, поправила на плече сумочку и покосилась на парочку чертей. Лукавые снова крутились в небе.

– Знаешь, ну это, ты не... короче, ты бы тут не стоял. Вредные соседи. Понимаешь?

Алекс понимал. Агата, без сомнения, имела в виду развеселившихся чертей. Те, как нарочно, стали видны ведунам, но не неведкам. Для Агаты Алекс невед: лукавых и погодников не видел. Да и к обуви его она придаться не смогла, вот и сменила тему.

– Какие соседи? – спросил он.

– Лукавые.

– А. Рельсы стучали. Я жду, когда неисчислимы проедут.

– Эм, – Агата посмотрела вправо-влево. – Никто не едет.

– Спасибо за информацию, – кивнул Алекс.

Агата перехватила пакет с учебниками, которые просто не могли уместиться в ее сумочке, пересекла рельсы и повернулась, двумя руками раскачивая пакет.

– Ну, ты идешь?

– Сейчас.

Агата пожалала плечами.

Вот она прошла под тепловой трубой в том месте, где та образует громадную широкую букву П, свернула на дорогу к светофору и скрылась за кустами.

Алекс не спеша перешел железнодорожные пути, когда из-за кустов раздался рёв индрика-зверя. Только он не заглушил шум машин на мостовой. Включив на запись видео, Алекс кинулся за Агатой.

Между путями и автомобилями проходила тепловая труба. С двух сторон от нее росли кусты. Далее в сторону мостовой тянулась полоска травы шириной в десять шагов, пешеходная дорожка и снова полоса травы и сухой земли. Там, где труба поднималась, образуя букву П, пешеходная дорожка разделялась. Одна тропа вела к Вратам, вторая – к светофору.

Алекс не дошел до развилки, остановился.

Агата на невероятно высоких каблуках интенсивного красного цвета обозревала поле битвы. Ее сумочка была раскрыта. Перед ней носился наряженный то ли в неупокоенного духа, то ли в упыря Кузик. То есть в лохмотьях и обсыпанный мукой.

Кузик и его друг Дениска на своем канале в видеохостинге Porch, то есть «Крыльцо», были популярными чтецами легенд, а с февраля месяца ни с того ни с сего решили разыгрывать людей. Один наряжался в неисчислима и с воем выскакивал на ничего не подозревающую жертву. Его товарищ сидел в засаде и снимал розыгрыш на видео. Только никто особо не пугался. Многие смеялись, фыркали, фотографировали, обзывали Кузика и Дениску болванами, ведь неисчислимы фору дадут любому Кузику. Их тоже заснять на телефон можно, лукавые еще и попозируют. Куда до них обряженному Дениске! Так Кузик с Дениской потеряли почти всех подписчиков. А теперь еще решили разыграть Агату.

Сейчас за Кузиком носились проворные, изворотливые, вишневого цвета бесы: на рогах у них были завязаны разноцветные ленточки. Бесы пинали Кузика копытцами и прыскали на него из флакончиков. Запах стоял такой, будто перевернулась цистерна с духами.

Алекс огляделся в поисках Дениски.

И у кого же из этой парочки на телефоне столь плохая запись рёва индрика?

Вдруг обереги на рукавах, воротнике и поясе обожгли Алекса холодом. От внезапной боли он прикусил губу. Он видел, как кружащие над перроном черти раззявили пасти, так что стало видно горящее в их глотках пламя, и спикировали в кусты.

Свет померк, словно небо закрыла темная туча. Алекс почувствовал, как его сжимает безысходность. Так действует затемняющая разум живых существ несдерживаемая аура чертей.

Из кустов выпрыгнул Дениска и на четвереньках ломанулся к светофору, но столкнулся с Кузиком. Горе-пранкеры упали, но тут же, громко вопя, вскочили и побежали. Мостовая защищена от гнетущей ауры лукавых, но Кузик с Дениской находились на пешеходной части. Агадины бесы сбились в кучу, не давая им броситься под машины. Тогда ошалевшие парни рванули мимо мостовой в сторону моста. Черти заулюлюкали и улетели.

Агата утирала потекшую тушь: у нее от смеха выступили слёзы.

– Ты всё заснял? Скинь. Ты не собираешься выносить на «Крыльцо»?

– Нет, передаю права на сие видео тебе.

– Спасибо, – обрадовалась Агата, глядясь в чёрный экран телефона, как в зеркало.

Позже Агата выложит видео, как говорится, вынесет на «Крыльцо», которое меньше чем за сутки станет вирусным.

Замершие в воздухе вишневые бесы разом бросились кто куда. Штук пять, мешая друг другу, пытались вернуться в сумочку. Остальные спрятались в кроне тополя. Агата непонимающе посмотрела на дорогу за спиной Алекса и резко отвернулась к светофору.

Алекс обернулся.

Ах, вот в чём дело! Вернее, в ком.

К Вратам шагала десятиклассница Маремьяна. Недавно она с блеском прошла инициацию и официально стала ученицей царского чаровника Трипятого царства. С прошлого месяца она каждый день отправлялась в Трипятое прибрежное государство. Конец апреля, а у нее

бронзовый загар, и ее светлые волосы выгорели от солнца. Полгода, каждый день после школы, она пропадала на кораблях Трипятого, тренировалась заклинать ветра и волны. А еще она приходилась троюродной племянницей ныне царствующему в Трипятом царю Асону Эксцентричному.

В истории царств власть передавали и захватывали. И сейчас, помимо правящих царских семей, живут потомки прежних царских родов, чьи родословные тянутся из глубин Докромкских времён. И, конечно, никто не отменял платы в виде райончика или улочки за подвиг.

Так в прошлом столетии появилось княжество внутри Триседьмого царства: чтобы стать князем, Сергей Радогастович уговорил водного духа вернуть высохший сто двадцать лет назад водопад. Если полить водой из этого водопада некий камень на берегу реки Славы, то появится лаз в древний арсенал. Тогдашний царь Триседьмого, по-другому Белозерья, получив арсенал, отдал часть этих предметов ученым, часть теперь выставили в музее, и почему-то никто не видел, что именно его величество забрал себе.

В общем, знатных и родовитых повсюду пруд пруди. Только в их обычной среднеобразовательной школе, помимо Маремьяны, около двух десятков девчонок и мальчишек, связанных дальним родством с царскими и боярскими Закромкскими и Кромкскими родами.

Маремьяна увидела Алекса, улыбнулась и помахала рукой. Он помахал в ответ.

Агата делала вид, что просто ждет, когда переключится светофор.

– И что это было? – прошипела Агата, когда они переходили дорогу.

– Она в одном классе с Льновым и Козловым.

Агата поджала губы, но попрощалась как ни в чём не бывало.

Дома Алекс позвонил Гоше Седунову:

– У нас в области неисчислимо похищает живых?

Он выслушал ответ.

– А богатыри с ними не пойдут? Ладно. Я понял, Цепковская свора, как всегда, разберется, – выдохнул он.

Домовой призывно постукивал чашками на кухне. Звал обедать. Алекс проигнорировал заботу домашнего духа. Он переоделся к хороводу в кафтан и сел за компьютер. Нужно написать статью о приходе русалок на грядущие Зеленые Святки.

Алекс писал статьи для нескольких ведовских сайтов. Полученные за них деньги шли на карманные расходы. Ему в плечо прилетела конфета и упала на стол. Алекс не обратил внимания. Это так домовый его звал обедать. Он перечитал готовую статью и полез было в новостную ленту, но тут домовый, громко сопя, встал у Алекса за спиной. На стол легла мохнатая рука.

Алекс поспешно выключил компьютер. У домового духа кончилось терпение, чего доброго, килограммовым пакетом с конфетами огреет.

– Ладно-ладно, иду я. Иду.

Рука тут же исчезла. Недовольное сопение прекратилось.

Отобедав, Алекс рухнул на кровать. Сегодня всю ночь хоровод водить. Алекс не беспокоился, отпустят его родители хороводить ночью или нет.

Мама с папой молекулярные биологи. Вымучивают свойства Кромкских и Тридевятиовских растений. Сейчас они оба в командировке в Тривосьмом степном царстве. Алекс их с позапрошлых выходных не видел. Приглядывали за Алексом Георг и домовый.

Алекс запустил руку в волосы и вздохнул. Еще один день. Ему опять удалось. Он не прокололся. Все по-прежнему думают, что он невед.

Алекс прижал руку ко лбу и уставился в потолок.

Достали этими встречами. И почему Георг с Финистой не захотели взять его с собой в Тридесатое? Родители написали бы записку в школу. Не пришлось бы дрожать от страха

разоблачения в окружении солнечных зайчат. Слушать про не ту рубашку. И этот устный опрос по умениям.

Как там Лёня сказал про Явских послов?

Ах да!

Явский посол, как динозавр, ископаемое. Вроде вымерли, а «Терем» их откопать пытаются.

Алекс усмехнулся.

Ископаемое?

Реликт, ёп-р-ст!

А «Терем» откопает Явского посла, только если посол самонадеянный глупец, самоубийца или неудачник.

Боги здорово посмеялись над этим умением.

Послы Яви открывают и закрывают ходы через Небытие. Назначают условия перехода вроде того: перешагни порог, шагни три раза, спрыгни со ступени или вскарабкайся на холм и, конечно, зайди за горизонт. Еще они очерчивают границы владений духов-хозяев. Потому неисчислимы чтут Явских послов. Ведь лишить духа-хозяина территории – значит забрать его силы. Собственно, от них и пошло называть послов Яви владыками. Впрочем, это не означает, что духи и бесы беспрекословно слушаются Явских послов.

Часто Явского посла относят к категории предназначение. Так как Явские послы получились из встречников – ведунов, которые одаривали героя или указывали ему путь, или же встречник становился попутчиком героя, помогал советом, оказывал чудесную помощь.

Вообще, троих послов: Яви, Прави и Нави упоминают обособленно, так как это самые молодые умения. Правда, посла Прави часто относят к провидцам, хоть знания о грядущем у него полнее и достовернее, чем у ведуна с умением предсказатель. Ведь посол Прави – всеведующий человеческий советник.

Навьего посла же иногда признают могущественным порчельником, но это в корне неверно. Посол Нави – судья и каратель. Нередко проклятый, но никогда не проклятуший. Она или он следит за Навьими порождениями в Явских царствах, если нужно, ловит их и низвергает. С недавних пор ее или его свиту действительно составляют по большей части порчельники.

Кстати, Явские послы обладают правом короновать царей и цариц новоиспеченных династий, то есть помогают выполнить предназначение другим. В связи с этим не только неисчислимы, но и люди стали называть Явских послов владыками.

Владыки Прави не спускаются, а владыки Нави не поднимаются в срединные царства. Они признают в Явских царствах смертных – своих послов. Послы Прави и Нави вхожи на тот ярус Великого Древа, который представляют, но свободно перемещаться по царствам, как послы-владыки Яви, не могут. Явский посол, он же владыка границ и переходов, три раза шагнет и окажется в Тридесятном царстве. Прямым рейсом, чёрт с блинами!

Алекс разозлился и, чтобы отвлечься, стал думать о новом телефоне, который Гоша Седунов доставит ему из Тридевятого. Прямо как курьер.

Ха-ха!

Сделанный в Тридевятом – мировом импортере чудесной техники, майфон последней модели. В отличие от новых айэмфонов, он не будет разряжаться в Небытии за считанные секунды, а на дисплее даже будет появляться дополнительный таймер, отсчитывающий время по-явски...

Пробивая тяжёлые волны сна, мелодия вызова вгрызалась в мозг. Алекс перевернулся на живот, свесил с кровати руку и поднял разрывающийся телефон.

– Да?

– Привет, Алекс, это я, Ника.

«Да кто еще по твоему-то номеру!» – хмыкнул про себя Алекс и перекатился на спину.

– Что у тебя?

– К Агате в квартиру опять бес забрался. Мы его веником, а он летает. Стоим на лестничной площадке. Помоги, пожалуйста!

– Сейчас приду.

Ну вот, опять!

Алекс сел на кровати и потянулся.

Ника очарована царствами и ведовством с рождения. Она ведает с седьмого класса. Но пока умение у нее не определилось, и заговоры ей не даются.

С Алексом Ника ведет себя как с очень много знающим... неведающим другом. Вот и сейчас зовет его, а не кого-нибудь из ведовских подруг-приятелей, чтобы Алекс почувствовал себя нужным.

Алекс обреченно вздохнул: «Куда уж нужнее?»

В начале апреля, когда появились первые зеленые ростки, духи зимы устраивали свалки с духами зелени и цветения. Вместе с ними разгулялись и мелкие бесы. Алекс приветствовал стихии и времена года, разнимал неисчислимов. Цепковская свора притаскивала ему скрученных кровожадных порождений смерти, которых Алекс низвергал в Нижний мир. Еще он исправно мотался в Тридешатое царство, делал уроки, терпел тесты и встречи «Терема» и притворялся-притворялся, притворялся неведом.

Сейчас Алекса раздирало жгучее желание, чтобы от него отстали. Но когда Ника просит помощи, это не то что: «Алекс открой скорее врата в Тривосьмое царство!», «Алекс, пригрози анчуткам не разбрасывать мусор вокруг помойки!». После Никиного «спасибо» в груди разливалось тепло.

Алекс и сам пока не понимал, но когда он смотрел в серые Никины глаза, ему становилось спокойно и тепло. У сестрицы Финисты тоже серые глаза, но в них лёд, лунный свет и сталь. А в Никиных солнца свет и тепло.

Алекс с родителями жил в пятикомнатной квартире на втором этаже кирпичного двухэтажного дома, построенного почти полтора века назад. Семья Сатановских проживала в этом доме со дня постройки. Тогда еще в каждую квартиру ставили печи. Родители своей не пользовались.

Зачем, когда в доме есть газ и отопление?

А у сестрицы Финисты печей не меньше полусотни. А вот Никина семья свою печь зимой топила. Ника говорит: «Атмосфера». Сейчас опять стали строить дома с печами в квартирах до шестого этажа.

В соседнем квадратном, тоже двухэтажном доме живет Георг. Агатин дом стоял боком к дому Алекса и Ники и фасадом к акациевой аллее. Дом довоенный с бункером. А на первом этаже квартиры имели два входа: через подъезд и прямо на улицу, а на третьем, последнем этаже находился общий коридор. Одну стену и часть крыши, как раз смотревшие на подъезд Ники и Алекса, оплетали виноградные лозы и розы. А со стороны двух подъездов, третий на торце Т-образного дома, гаражи и огород. Между домами и треугольником, засаженным деревьями, дорожки.

Алекс вошел в ближайший подъезд и услышал голос Агаты:

– ... но он же его даже не увидит. Как он изгонит эту штуку? Эх, жил бы рядом Ромчик. Давай звони Захару.

«Да, почему бы вам не позвать Иванова? Может, он разрешит выкрасить себе прядку в розовый. Если опять начнет уговаривать, а то русые волосы так скучно – развернись и ийду», – раздражённо думал Алекс, поднимаясь по лестнице.

Первой его увидела Ника.

– Помоги изгнать!

Она потрясла сложенными вместе руками. Ее русые, чуть сероватые волосы волнами ниспадали ей на плечи, а в глазах светилась надежда. Обычно, если ведунья распустила волосы, а заговор выдворения не сработал, то дело плохо. Но у Ники заговоры почти всегда не срабатывали.

– Наконец-то.

Агата цокнула каблуком и удивленно окинула Алекса взглядом.

Еще бы, он нарядился к хороводу как царевич. Сама она, в отличие от Ники, которая была всё еще, как обычно, в джинсах и обшитой оберегами футболке, тоже уже облачилась в праздничное платье-сарафан и нацепила красные серёжки. А темные волосы временно заплела в косу. Не сильно она старалась ведовать, раз не распустила их.

– Понимаешь, он поднимает ветер и загоняет пыль в комнату. Шиш, настоящий шиш...

– Красивая рубашка. В «Свиле» покупал? – Агата перебила Нику, поедая глазами ярко-красный кафтан, расшитый тонюсенькой золотой нитью.

Алекс утвердительно кивнул. На рубашку, которую сестра подарила вместе с кафтаном, он нечаянно пролил чай.

– Да подождите вы! У тебя в квартире бес! – осадив подругу, Ника снова повернулась к Алексу: – Я всё испробовала!

Агата цокнула языком и распахнула дверь квартиры. Как раз мимо дверного проёма по комнате пронесся...

«Шиш! И правда, шиш», – обескураженно подумал Алекс.

Серенький, высотой полметра, курносый бесенок. На голове знаменитый колтун – шиш. Конкретно у этого беса – ярко-синий. От его колтуна отскакивали бусины.

Шиши относятся к придорожным бесам, носятся по свету вместе с пылью и ветром. И вот сейчас такой пылегон крутился по комнате в вихре пурпурных бусин и белых осколков.

Зачем он в квартиру-то залетел?

У Ники с Агатой и не такое случалось, но всё-таки?

А домовой что?

Агата легонько толкнула Алекса локтем.

– Узреть пытаешься?

– Не много нужно пытаться, чтобы увидеть осколки. Ник, похоже, и правда шиш.

– Заваливайтесь.

Агата переступила порог и сбросила туфли. Одна туфля улетела в комнату, ее тут же подхватил вихрь. Вторая со стуком врезалась в стену прихожей.

«Брось я у себя дома ботинок о стену, обратно прилетит. И от домового, и от Георга. А потом от родителей», – обалдело подумал Алекс.

Он аккуратно поставил на обувной коврик заговорённые, чтобы не пропускать жар и холод, сафьяновые сапоги. Ника стянула кеды и подтолкнула Алексу тапки Агатино папы.

Алекс достал из специального кармашка в сапоге телефон, между прочим, предпоследней модели майфон. Навел камеру и включил приложение. Он ведь невед, шиша не видит, а телефон ему в этом поможет.

Алекс посмотрел на стол: ложки, которыми девчонки ели пирожные, остались на столе. Металл у многих неисчислимых – табу. Сами же пирожные вертелись в вихре и оставляли пятна на дверцах шкафа и стенах. Туфля с глухим хлопом врезалась в пирожное. Слишком уж текучее пирожное.

Тает оно, что ли?

А вот осколки блюдца – это опасно.

– Я уже все заговоры, какие знаю, нашептала. Кукиши ему показывали, пальцы уже отваливаются. Он только носом вертит, да колтун свой поправляет, – взволнованно шептала Ника.

Да, для шиша колтун – его гордость.

– Хлеб давать пробовали?

– Он обратно кидает.

Агата лениво указала ярко-красным ногтем на кусочки хлеба возле ножки стола.

Алекс чуть за голову не схватился: хлеб на пол побросали!

– Принеси хлеба, – попросил он.

– Слепой, что ли? Посмотри вон туда возле ножки стола. По-твоему, мы бесам хлеб давать не умеем?

– Бородинский подойдет?

Ника сунула Алексу кусок буханки. Пока Агата выступала, она сбегала на кухню и вернулась.

– Ну, давай убедись, – буркнула Агата, скрестив руки на груди.

Алекс молча открыл окно и положил хлеб на подоконник снаружи.

Бесенок завис вверх тормашками спиной к Алексу.

– Прими угощение и в этот дом не возвращайся, – стоило Алексу договорить, как нос бесенка задергался.

Унюхал!

Шиш перекувыркнулся в воздухе, оттолкнулся от стены птичьими, как у голубя, лапами и полетел к окну.

Ника с Агатой встали рядом с Алексом, заберет бесенок хлеб и улетит, а если запустит хлебом в Алекса, они – ведуньи, не дадут неведа в обиду.

Поднятый шишом вихрь у самого окна столкнулся с невидимой преградой. Бусины и осколки посыпались на пол, а пирожные пролетели в опасной близости от плеча Алекса и угодили в Агату. С кремом на волосах Агата вылетела из комнаты. Перепачканная в пирожном тупля врезалась в стену и сбила на пол картину «Три медведя». Ника сразу убежала за подругой.

А шиш схватил хлеб и вылетел наружу.

– Не залетай сюда больше, – бесцветно произнёс Алекс и захлопнул окошко.

На мгновение ему показалось, что бесенок целил пирожными в него. Если бы Алексу пришлось переодеваться, то ко времени хоровода на его территории не осталось бы ни одного шиша. И плевать, что там «Терем» подумает, а Георга он уговорит.

Алекс достал из кармана очень дорогой карандаш с сердцевинкой из угля, сожженного молнией дуба, нарисовал под подоконником змейку – оберег от вездесущих неисчислимов, и оглядел комнату. Бусины рассыпались по углам и теперь тихонько поблескивали – заговорённые от потери. Кусочки хлеба с пола исчезли. За шкафом тихонько ругался домовый.

Алекс его понимал: исчезновение защитного оберега с окна – дело нешуточное. Агате влетит. Да и за хлебом девчонкам теперь бежать. Остается надеяться, что Агата еще не спустила свои карманные.

Вопли Агаты летели из ванной комнаты:

– Ну конечно, пойдет с Георгом. Посол Прави Седунов ведь свой хоровод устраивает. Не дома же в такой роскоши он сидеть собрался! Раньше надо было спрашивать! Какие там настойки для чистки ты знаешь? Я сейчас болотницей зарыдаю! Мое новое платье! Ну почему не в Алекса! Нет, только не на него. Рубашка – такая тонкая работа! Кафтан – шедевр! Ник, и на тебя нельзя – ты моя лучшая подруга... Кстати, ты ведь наденешь то платье, что мы купили?

– Только не призови его своими проклятиями назад, – крикнул им Алекс через дверь.

– Алекс, благодарим, – отозвалась Ника. – Хочешь торт-мороженое? Оно в холодильнике, шишастый до него не добрался.

Так это не пирожные, а мороженое.

– Нет, спасибо. Агат, скажи родителям, пусть обновят заговоры на окнах и дверях. На том окне совсем стерся. Если что, мой заговор на окне прослужит до Купалы.

«Вернее, зачем ты его стерла?» – добавил он про себя.

– Ты куда пойдешь хороводить? – высунулась из ванной комнаты Ника, но Алекс уже закрыл за собой входную дверь.

«Ника, неужели хотела позвать меня хороводить с ними, чтобы дома один не сидел?»

Алекс держал телефон в руке. На выходе из подъезда он открыл приложение с цветами сирени на иконке. На экране открылась камера. Через нее Алекс быстро посмотрел на огороды в прямоугольнике дверного проёма, на синие стены, на потрескавшийся потолок и поймал шиша. Того самого, что залетел к Агате. У него в колтуне застряла пара осколков.

Шиш уже прикончил хлеб и зачем-то залетел в подъезд, а теперь бился об экран внутри майфона. Много лет назад сиренник подарил Алексу воистину чудесный предмет. Мало того, что зеркальце меняло форму на более привычную для нового хозяина, приложение с сиреновой иконкой само переходило со старого телефона на новый.

– Хочешь познакомиться с котом Баюном? – спросил Алекс.

– Владыка, выпустите, – пропищал шиш. – Я ли-ишь объясниться. Чтобы недопонимания не остал-лось.

– А, так ты знаешь, кто я.

– Конечно, владыка. Мы – шиши, ратуем и гордимся, что над нами такой владыка, как вы. Коль чего, только ш-ши-ишкните, мы все пред вами явимся. А они меня призвали. Та, что в сарафане со стеклянными вишнями в ушах! Хотела, чтобы некий Захар пришел и прогнал меня, вот я и задал им трёпку!

Алекс уже и сам догадался, что бесенка призвали. И не Ника. Она такими вещами не шутит. А шиши, если и залетят в помещение, так поскорее из него вылетают, им ветра во все стороны подавай.

Алекс вышел из подъезда и выпустил шиша. Бесенка тут же умчал ветер, в чьём дыхании уже крутилась парочка шишастых.

Алекс улыбнулся. Для школы, «Терема» и во дворе он – невед. А для неисчислимов – владыка.

Сейчас он не боялся раскрыться. Закрывать Георга работали безотказно. Теперь, когда он общался с бесами, становился незаметным и незапоминающимся для людей. И всё-таки Алекс по привычке осторожничал.

Ну, Агата дает!

Не предупредила Нику, что призвала шиша для Иванова. Захар, вообще, в курсе?

Алекс представил, как девчонки спорят, кого позвать: Захара или его, Алекса, тычут в шиша кукишами, а он швыряется в них бусинами и мороженым.

Алекс обогнул Агатин дом и увидел долговязого Гошу Седунова. Тепло с души вслед за шишами сдуло.

«Новый майфон приехал», – безрадостно подумал Алекс.

Ясно. Георг не успевает и прислал вместо себя Седунова.

Гоша был без очков, наверное, положил их в карман рубахи, а светлые волосы забрал в пучок. На хороводе придется распустить.

Если ты хозяин костра, на хоровод являешься со свитой или почетными волхвами. Алекс пошел бы с Георгом, даже если бы Георг не был послем Прави, весьма значительной фигурой.

Но Гоша Седунов?

Со всегда извиняющейся улыбкой и вечно рассеянным взглядом.

Гоша! Ровесник Георга, сновидец, присягнувший Георгу и Алексу.

Сновидцам во снах открыто будущее. Пару столетий назад они были еще какими бойцами! Но Гоша боец просто тьфу, а Георг назначил его библиотекарем.

Алекс не понимал Георга. Ну, согласился Гоша корчить из себя посла Прави перед «Теремом», видите ли, сновидец идеально подходил для этой роли, и «Терем» не заметил подмены. Но зачем сразу его библиотекарем делать? Тут богатыря нужно было. Хоть бы порчельника Цепкова.

Дело в том, что арсенал присягнувших Георгу и Алексу ведунов сначала был гордо назван Оружейной. Но так уж получилось, оружие и другие ведовские вещи постоянно кто-то брал. В Оружейной оставались только ведовские книги с редчайшими заговорами и учебники по каждому умению. Знай только старославянский. Брать с собой громадные фолианты и берестяные грамоты без острой необходимости никто не решался. Вот и превратилась Оружейная в читальный зал. А так как некоторые книги всё-таки выносили, но всегда возвращали, то Оружейная окончательно переименовалась в Библиотеку.

Здесь же Георг с Гошей поставили три заговорённых компьютера, в которых самостоятельно обновлялись календари с точным временем, когда небесные светила и стихии будут слышать обращающихся к ним, ведь тогда-то их и нужно приветствовать, благодарить или просить; ежесезонные переписи неисчислимов, карты их перемещений и карты с нанесёнными территориями духов-хозяев. А так же сказы о происшествиях, неправильностях в балансе между Навью, Явью и Правью; и еще сказы о решённых спорах между неисчислимыми и ссорах между неисчислимыми и людьми.

Если бы «Терем» узнал о такой сокровищнице, как Библиотека, непременно попытался бы ее заполучить.

Да что там «Терем»?!

За некоторые заговоры, хранящиеся в ней, раньше торговались царствами и уж, конечно, пытались их захватить силой. Потому библиотекарь должен быть могучим волхвом, способным победить или продержаться до подкрепления. Гоша же может только предсказать нападение и собрать вокруг себя волхвов. Ничем не занимайся, бросай всё, спасай Библиотеку и нерадивого Гошу, не способного продержаться и трёх минут самостоятельно.

Может, тучу бесов вызвать? Чем не достойный эскорт хозяину хоровода?

Ага, шишей ши-икнуть.

Алекс подошел к Гоше.

– Он хоть на хоровод придет? – осведомился он вместо приветствия.

– К самому костру, – виновато улыбнулся сновидец.

Голос у Седунова чуть извиняющийся, блеющий и при этом мягкий, будто его хозяин сделан из облаков или ваты.

– Я провожу тебя, – с улыбкой сообщил Гоша.

Он был выше Алекса и, как бы этого не хотелось признавать, чуть выше Георга.

«Только чтобы не расстраивать брата, – вздохнул про себя Алекс и мысленно обратился к Седунову: – Как же ты бесишь».

Прежде чем войти в лес, Алекс поклонился лешему. Сам лесной хозяин не показался, но Алекс ведал это наверняка, приветствие видел. Алекс и угощение лесным обитателям оставил: корочку хлеба, посыпанную солью, и мягкие баранки.

На заветной полянке он поприветствовал духа родника. Гоша больше не шел за ним. Для костра ведуны заготовили сухие поленья, хворост и мох, привезли прошлогоднее сено. К появлению Алекса они под командованием богатырь-девицы Дарьи Сахаровой и Истидара – теперь уже главного в их компании знахаря, складывали оставшееся сено в громадный костер.

Алекс удовлетворенно кивнул. Костер будет гореть всю ночь.

Осталось добыть живой огонь. Алекс колотую четверть часа тёр две заранее заготовленные палочки над сухим мхом.

За спиной треснула ветка. Алекс с облегчением выдохнул, пришел Георг. Раз старший здесь, всё будет ладно. Если у Алекса не получится разбудить живое пламя, Георг попросил

Перуновых приказчиков подстраховать их костер молнией. Они с Георгом всегда так страхуются. Небесный огонь самый что ни на есть жизнь дающий, живой, подходящий.

Когда солнечный закатный луч коснулся рук Алекса, от палочек пошел дымок, и появился оранжевый язычок пламени. Алекс подхватил его на сухой мох и подложил под хвост. Огонек жадно проглотил сухие ветки, и яркое пламя с ревом взлетело до светившегося изнутри сумеречного неба.

Алекс выдохнул и поднялся на затекших ногах. Ничего, сейчас он разомнет кости. Все разомнутся. Кое-кто делал растяжку. Это не первый и не последний хоровод в этом месяце, но от этого не менее важный.

Солнце село.

На перекрестках дорог, на берегу реки, на островах, на вершинах холмов, во дворах и даже на плоских крышах некоторых домов полыхали костры. Сегодня всю ночь будут водить хороводы.

На местной Лысой горе «Терем» устраивал грандиозное празднество. И леший в знак одобрения обряда погреет над теремным костром руки, но до этого хозяин леса будет водить хоровод с Алексом.

Из темени к огню вышли ведуны и духи-хозяева. Тихо переговариваясь, они сомкнули круг. Правую руку Алекса осторожно сжала богатырь-девица Сахарова. Левую – прохладные, влажные, перепончатые пальцы хозяина родника.

Круг сомкнулся.

В тот же миг на дубах и соснах появились лесовики и лешачихи с трубами, гусями, балалайками и бубнами. Заиграли. Им вторили из-под земли. Звонкое журчание и басистый рокот родника, задиристый треск костра и таинственный шепот листвы влились в яростную, как солнечный жар, будоражившую, как весенний ветер, загадочную, как сумерки, древнюю мелодию. Несколько знахарок и окутанных вихрем духов записывали ее на телефоны.

Алекс сделал шаг, хоровод двинулся. Он не остановится, пока костер не погаснет.

Георг вышагивал напротив Алекса – между хозяином леса и хозяйкой роши номер двадцать три – лешачихой с венком из фиалок на голове.

А Льнов с Козловым не пришли.

«В следующий раз пригоню накануне, и пусть ночуют под ёлками», – пообещал Алекс.

Глава 3. Наперегонки с Цепковской сворой

Посеревшие от жары поля и прозрачный воздух дрожали в жарком мареве. Вдалеке, словно живой поток, зеленели прямоугольники посевов. Светло-песочная полоса дороги петляла в горку и, между прочим, была хорошо видна с перрона. Алекс сначала долго бежал по ней, поднимая столбы пыли, затем пересек лесополосу и теперь быстро шагал по лугу скорее жёлтому из-за расцветших одуванчиков, чем зеленому. Футболка прилипла к спине. Рюкзак врезался в плечи. Только заговорённая бейсболка защищала от солнечного удара.

Полдень неотвратимо приближался. От железнодорожной станции до поселка Пурпурные Васильки пешком полчаса. Алекс снова и снова прокручивал в голове последний хоровод.

Разомкнуть хоровод во время обряда или потушить костер – значит оскорбить чувствительные силы. Нужно отдать должное, когда хороводишь всю ночь, кажется, что она длилась всего двенадцать минут.

Да, Алекс, пока добывал живой огонь, все нервы себе истер. А Георг тогда был еще живой от усталости после установки закрытия на семейном капище в Тридесятном и переговоров с Грозовой канцелярией в Прави.

А Льнов с Козловым мало того, что явились за полночь, так еще Льнов споткнулся, пролетел под сцепленными руками участников хоровода и грохнулся в опасной близости от торчащих из огня поленьев. Его рюкзак полетел в костер. Леший отбил его ветром так, что рюкзак придавил Льнова. Пока рюкзак летел, из него выплеснулась коричнево-зеленая жидкость. Алекс увидел летящие в него мутные брызги. Он собирался вернуться, но богатырь-девица Дарья Сахарова чуть не вывернула ему руку, не разорвала и не остановила хоровод, но и Алекса собой закрыла.

Как потом выяснилось, Льнов за каким-то лысым притащил ржавую воду с Затхлого болота. Тухлая жижа попала девушке на лицо и волосы, намочила рубаху и сарафан. Сахарова с закрытыми глазами и ртом продолжила двигаться по кругу вместе со всеми.

Размыкать хоровод нельзя!

А в этот момент нужно было скакать, как пресловутая кикимора.

В затруднительном положении Дарья пробыла недолго. С волос хозяина родника поднялась прядь чистой воды и аккуратно смыла девушки затхлую воду. Даже сарафан ей почистил.

Болотную воду в ветряную чашу подхватила лешачиха в берёзовых серёжках. Чаша, самый настоящий маленький вихрь, повисла у нее за левым плечом. Прямо на иве прутья сплелись в короб, и лешачиха опустила в него болотную воду. Чаша-вихрь рассеялась, обдав Георга и его соседей теплым ветром.

Льнов, придавленный собственным рюкзаком, барахтался на земле, как вдруг его вместе с рюкзаком подбросило на вершину сосны. Музыцирующие на верхушках деревьев лешаки и лешачихи заулюлюкали.

Алекс кипел от злости. Льнов к полетам привычен. Ему это не наказание. А Истидар, под рукой которого пролетел Льнов, удержался на ногах только благодаря соседке Ладе Причудиной. Через дым костра Алекс видел, как главный знахарь начал терять равновесие и исчез за высокими языками костра. Причудина с решительным видом потянула его на себя. Главный знахарь выпрямился. На его бледном от недосыпа и аристократически прекрасном лице отразилось выражение крайней досады. Вместе с главным знахарем к костру наклонился его сосед справа.

Горе Седунов чуть не рухнул за компанию!

Однако по посветлевшему лицу Причудиной Алекс понял: обошлось.

Между прочим, раньше Льнов с Козловым были Гошинными помощниками.

Но зачем помощники сновидцу?

Чтобы защищать. А эти двое ни на что не годны. Вот их и подсунули Алексу, чтобы тренировал. Иначе зачем еще Георг сказал Алексу звать этих двоих с собой ведовать, когда сам отправляется в Правь?

Алекс этой парочке тридцать три сообщения послал, чтобы в семь вечера были на Боярышниковом роднике и ни минутой позже. А они мало того, что опоздали, так чуть всё не сорвали.

Гадёныши!

Конечно, музыка не сбилась, хоровод не запнулся и не разомкнулся. Даже Сахарова с болотной жижей на лице продолжала двигаться вместе со всеми.

Настало утро.

Солнце озарило верхушку дуба, и в тот же миг догорел костер. Разгоряченные участники хоровода расцепили руки и поклонились друг другу. Леший отправился на местную Лысую гору.

Благодаря наложенному Георгом закрытию «Терем» не уведаль, что самое значимое приветствие в эту ночь произошло не на местной Лысой горе, а у Боярышникового родника, куда утреннее солнце бросает свой взгляд на несколько минут раньше, чем на Лысую.

Цепков забрал у ивовой древесницы болотную воду: перелил ее из короба в банку для сушеных растений. За что тут же получил от Истидара приготовленной для нее пластиковой бутылкой.

Льнов с Козловым уселись возле пепелища. Алекс хотел отвесить им по пинку. Но Георг безо всяких «но» потащил его собирать травы. Льнов с Козловым, к наглости своей, даже не посмотрели в сторону Георга и Алекса. К ним, видите ли, подошел Седунов. Гоша навис над Льновым и Козловым, а эти двое сжались от страха.

Алекс закатил глаза. Для его горе-помощников даже занудный Горе-Седунов страшен!

Дожили! Какой позор! Седунов, заведи эту никчемную парочку назад!

Но как ухмылялся Цепков с банкой болотной воды в руках!

«Цепков, мерзавец, я покажу тебе, что твои порчельники мне не нужны», – злился Алекс.

Показались крыши домов Пурпурных Васильков. А за лугом вставала зеленой стеной роща: цель марш-броска и спасение от палящего солнца. Посреди луга дикая груша накинула цветочную вуаль. Нет, не вуаль, цветочный саван.

Узловатое, высокое двустольное дерево окутано не только цветами, но и дурманом. Бесы кружатся в нём, как в дыму. Празднуют новоселье. Кто ни подойдет, заморочат. Алекса с его умением это не касалось.

Одуванчики вокруг слабо подрагивали в жарком мареве. Груша же рябила и мерцала, буквально исчезала секунды на две и снова появлялась.

Алекс прошел мимо.

– Подожди!

Из-за груши выбежал Кузик.

«К бабушке приехал, – понял Алекс. – Так, а где второй?»

Кузик остановился перед ним, опустил голову и оперся руками на колени. Дышал он так, словно три раза пробежал до железнодорожной станции и обратно.

И чего его вообще в такую жару на улицу выгнало? Послушаем.

Причина, по которой Алекс дождал Кузика, дурман, кольшущийся над грушей, словно гигантские водоросли, не потянулся к парнишке. Нечисто дело: над Кузиком господствует морок. Жертва или подельник? В любом случае горе-панкер может быть полезен.

Кузик отдышался.

– Я вот чего. Короче, не ходи в лес. Там лешак людей утаскивает! Оскорбили мы его, короче, сарай в лесу построили.

Алекс мысленно вздохнул. Так обычно и начинались розыгрыши Кузьмы и Дениса. Случай с Агатой принёс горе-пранкерам немного лайков, но видео выложила она, и перевалившие за миллион лайки принадлежали хозяйке вишневых бесов.

Может, Дениска сейчас залег в траве и снимает очередное видео. Но...

«Дурман не потянулся к нему. Если это очередной пранк, я его вместе с дружкой в темницу брошу», – мысленно пообещал Алекс, снял бейсболку, убрал мокрые волосы со лба.

Глядя Кузику в глаза, он заявил:

– Не верю.

Кузик раскрыл рот и рассеянно уставился в пространство. Алекс прищурился. Вот если бы он еще рассмеялся... Но, к слабому разочарованию Алекса, Кузик вздрогнул и посмотрел на него.

– Чего?

«Ладно, взгляд обнадеживает», – подумал Алекс, а вслух высокомерно заявил:

– Нет никакого лешака. Я тебе не ведун, чтобы в чушь всякую верить.

– Думаешь, разыгрываем? – надулся Кузик. – С конца января пять человек пропало. Об этом в новостях говорили, якобы маньяк объявился. Отношений с неисчислимыми портить не хотят. Но мы-то знаем наверняка, лешак это. Слушай, короче, просто поверь. Мы с Денисом больше не пранкуем. Невыгодно. Мы теперь, короче, детективы. Мы раньше не ведали, а теперь... короче, в лесу сторожка. Лешак их убил, а трупы в подполье спрятал. Душа возле костей мается, не может за порог выйти. И тебя утащит, сгинешь, короче.

– Кого лешак убил? Бесов?

– Да нет же, похищенных!

«В прошлом году здесь никаких сторожек не было. Мало просмотров? Обратитесь к Агате. А вот подробности про подпол уже похоже на влияние», – размышлял Алекс.

Он лениво заметил:

– Ваша сторожка вроде аттракциона ужасов для особо впечатлительных. Не иначе.

– Я правду говорю!

Театр Драмы отдыхает.

– Ладно, показывайте, – разрешил Алекс, а про себя добавил: «Но потом катитесь к кики-море или в подземелья Тридесятого».

В противовес ожиданиям Алекса, роща оказалась солнечной. Ключки травы едва прикрывали песочно-коричневую сухую землю. Кое-где виднелись темно-синие огоньки – фиалки. Кузик уверенно петлял между тонкими стволами кленов и сухостоем. Видимо, часто по этому пути ходит.

Алекс точно знал, когда за ними начал красться Денис: «Ну чего они себе воображают? Он крадется, как Аркона по скалам прыгает. Хоть бы бурелом расчистили. Как они сюда детей уводили?»

Кузик вывел Алекса на прогалину.

– Вот! Что я говорил? Чувствуешь?

Алекс скептически прищурился. То, что он видел, скорее развалившийся сарай, чем сторожка.

Так и есть – покосившийся сарайчик из почерневших досок. Окон нет. Дверь валяется в стороне. Крыша отсутствует. Похоже, вся сторожка – это кое-как прибитые друг к другу прогнившие доски, которые от падения удерживает высохшее дерево.

Дерево же... Белое, словно кость, без коры. Оно напомнило Алексу скорчившегося гиганта, который пытался прикрыться руками от неба, да так и застыл. Голые ветви – точь-в-точь пальцы. Нежно-зеленые берёзы и двуцветные осины стояли поодаль, окантовывая полянку. Хорошо вытопанную, между прочим.

Алекс крутанулся на месте, шагнул вперед, поставил рюкзак прямо на землю, положил на него бейсболку. Затем он решительно подошел к «сторожке» и протянул руку к покосившейся стене.

Пальцы обдал замогильный холод. Даром из-за жары от камней пар идет.

«Убегай!» – заорала интуиция.

Страх поглотил Алекса и тут же быстро съёжился, на его месте немедленно разрослось разочарование. Существа не было дома.

«Ждать его? Я здесь дождусь только Цепкова с его сворой. Придется искать», – решил Алекс и покрутил головой вправо-влево.

Дальше скрываться не было смысла, и Денис подошел к Кузику. Глядя, как Алекс вертит головой, мальчишки прыснули со смеху.

«А вот и смех. Так, это почему не слева? А, ладно», – плюнул на несоответствие Алекс.

Денис с Кузиком снова залились трескучим, кикиморским смехом и не заметили, как Алекс, тряхнув головой, устремился вниз по склону.

Первым его уход заметил Денис:

– Эй-эй! Ты куда? А внутрь зайти? Перешагни порог. Иначе все увидят, какой ты смелый...

«Кто увидит? Ваши минус два подписчика, что ли? – Алекс спустился в прогалину и посмотрел наверх. – Да и вы сами подневольные, не запомните».

Снизу он не увидел ни сторожки, ни Кузика с Дениской. Только на фоне ясного неба белели ветви-кости сухого дерева. Склон сплошь был усыпан маленькими жёлтыми цветочками – гусиным луком. Неподалеку от места спуска Алекс заметил рваную колею. В конце колеи чернела коряга. Алекс обошел ее по кругу. С массивных обрубков корней свисали комья земли. Острые сучья напомнили ему когти. А лишенный коры ствол – колоду.

Алекс поднял с земли палку и, волоча один ее конец по земле, заключил себя и колоду в круг. Стоило ему замкнуть черту, как...

– Й-я-а-в-ви-ился!

Колода со страшным скрипом поднялась вертикально, вытянула острые сучковатые ветки и, ворочая обрубками по земле, двинулась было на Алекса, но замерла.

Удивилась, что ли?

Может, если судить по возгласу, с кем-то перепутала.

И страшна же она. Подсознание подсказывает: не ствол, а гроб эта колода. Стройное высоченное дерево. Чёрное, как сам мрак. Острые сучья длиннее человеческих пальцев раза в три.

Колода снова задвигалась, сделала несколько неуверенных шажков корнями-обрубками и вдруг метнулась к Алексу. Раздался отчаянный скрип – сомкнулись ветви. Алекс увернулся и бросил в колоду щепотку соли.

– Одеревеней! – приказал он.

Колода одеревенела и с протянутыми вперед ветвями рухнула. Раздался треск, и колода закричала на всю округу будто от боли. У Алекса уши заложило от замогильного воя и ужасного треска. Если команда Цепкова приехала, то без труда найдет Алекса и его противницу.

Алекс шептал заговор и быстро чертил внутри охранного круга символы. Он впервые пошел изгонять без Георга и спешил, как мог. Между кругом из символов и дугой охранного круга получалось небольшое расстояние.

Личина близка колоде-домовине. Дух намекает на ошибки в обряде захоронения. Вероятно, они-то и не дают ему упокоиться. Что ж, отправим в Нижний мир принудительно.

Алексу оставалось начертить пару чёрточек, когда он, повинувшись инстинкту самосохранения, выскочил из круга. При этом он нечаянно смазал линию круга. Там, где еще секунду назад была его голова, шишковатые чёрные ветви сомкнулись в ужасное подобие кулака.

Вместо того, чтобы просунуть ветки в образовавшийся проход, колода неуклюже вскочила и рванулась к Алексу.

Алекс как раз поставил последнюю чётточку и замкнул круг. Древесная машина с силой разъяренного индрик-зверя ударилась о незримый барьер. Округу огласил полный боли стон-треск: острые, как когти, сучковатые пальцы расшиблись о невидимую преграду, – колода рассекла себе еще одну ветку. Сквозь скрип-визг и рёв-треск отчетливо раздался глухой стук. И колода замерла, будто Алекс снова заставил ее одеревенеть.

Сам Алекс медленно сполз на землю. Не успеет он замкнуть круг, чёрная колода его раздавила бы.

Внутри охранного круга поднялся шквалистый ветер.

Ёлки-палки, бесы в Нижнем мире гуляют и ураган поднимают!

Молодая осинка не выдержала натиска воздушной стихии, повалилась поперек линии круга, стала мостом между Железным царством Нижнего мира и Третьим государством Яви.

Колода пыталась ухватиться за барьер: царапала воздух шишковатыми сучьями-пальцами – безрезультатно. Обрубки корней погружались сквозь землю, проваливались в Навий мир.

Убрать осину Алексу было не под силу. Только снова врата сотрет. А погруженная по нижние ветви во мрак колода вцепилась сучками в поникшую зелено-белую крону.

Алекс оторвал у осинки листок, поднес к губам, шепнул, наколол его на палку и метнул импровизированное копьё во врага. Колода почти выкарабкалась, когда ее настигла палка.

Ветер взревел и чуть не сдул осину, колоду и Алекса. Из врат, как из-под земли, раздался усиленный мощью колонок перезвон колокольчиков, а вместе с ним голоса, песни, смех.

Колода по-прежнему держалась за осину, но из-за палки, застрявшей в изъеденном древооточками стволе, снова одеревенела. Листик, словно флажок, неистово рвался вверх.

Ветер превратился в ураган. Казалось, он вот-вот подхватит колоду, а вместе с ней и осину с Алексом унесет в небо и уронит в Навь.

Алекс распластался по земле и корням осины, левой рукой он сжал перепачканные землей корни, а правой вцепился в траву за охранным кругом.

– Отправляйся в Железное царство немедленно, – процедил он сквозь зубы.

Шквал стих так же внезапно, как и поднялся. Усиленный динамиками звон колокольчиков и радостный гул окружили Алекса, будто он стоял в центре праздника. Краем глаза Алекс заметил, внизу сияли звёзды.

Неожиданно колода сделала рывок. Осина наклонилась над ямой. Алекс взлетел вместе с ее корнями. Палка подскочила, перевернулась в воздухе и врезалась в колоду, на этот раз концом с листиком.

Колода тут же разжала сучья. Осинка вместе с повисшим на ее корнях Алексом почти рухнула во врата, но опрокинулась назад. Алекс отпустил осинку и откатился от охранного круга.

– Врата, закройте, – завершил он заговор глухим хлопком в ладоши. И тут же приказал осинке: – Встань, как стояла!

Бело-зеленая крона взметнулась – осинка вскочила на прежнее место. Звон колокольчиков стих. Иное звёздное небо исчезло. Переход в другой мир закрылся. Вместо туч ясное небо. Ветер унялся. В круге символов зеленеет трава. Палка валяется у самого края охранного круга. Рядом с ней белеет листок осины.

Алекс стер ботинком охранный круг и круг-врата и придирчиво осмотрел поле брани. Затем поднял листок, который сыграл решающую роль в битве с колодой, и подошел к осинке. Легкий ветерок колыхал ее двуцветные листья, словно не вырывал ее ветрище, будто не она минуту назад чуть не упала в Нижний мир.

«У осины листья двуцветные, – произнёс про себя Алекс наставления Георга и улыбнулся. – И правда, чуть не подвела. Почти подвела».

Он поднялся к сторожке.

– Где мы?!

– Ой, мамочки, я боюсь!

– Мне страшно!

– Тут дверь!

Высохшее дерево покрылось молодыми листиками. Еще одна осина. Алекс подбежал к сторожке, из которой доносились тяжёлый стук и приглушенные рыдания.

– Подождите, я помогу! – крикнул он.

– Тихо!

– Тс-с-с.

– Слышите? Кто-то пришел.

– Говорил же я, кричать надо. Мы здесь! Помогите! Мы ничего не видим! Мы не можем выбраться!

Алекс подскочил к рюкзаку. Неподалеку Кузик и Денис привалились спинами к осинам. Вид у них был потерянный. Алексу некогда было возиться с ними, да и сильно помочь им он бы всё равно не мог. Он достал из рюкзака фонарь, вернулся к сторожке и перешагнул брёвнышко-порог.

В углу сторожки деревянная крышка погребца приподнялась и грохнулась назад. Алекс схватился двумя руками за ржавое кольцо, оттащил крышку и посветил вниз.

Кружок света выхватил из темноты шутившуюся компанию. Старшая девочка на полгода старше Алекса. А выглядит лет на двенадцать. Она и двойняшки стояли на лестнице. Это они пытались поднять крышку.

«Пятеро. Все. Двойняшки с шарфами до носа не вернулись домой в январе. Этот малец исчез в феврале. Девочка в весенней куртке пропала в марте. В ветровке – апрельская».

– Как вы здесь очутились? – спросил он.

– Нас кто-то всех здесь запер, – возмущенно заявил мальчик в шапке-ушанке и насутился.

– Когда?

– Мы тут пять минут сидели, не меньше.

«Он не знает, что отсутствовал почти три месяца. Как бы то ни было, свою работу я выполнил», – самодовольно признал Алекс и помог ребятам выбраться.

Очутившись на поверхности и протерев глаза, они вытаращились на нежно-зеленую берёзку.

– Февраль же...

– Апрель. Это же вы в новогодние каникулы пропали...

– Не ври! Мы только из дома вышли.

– Смотрите, на сухом дереве листочки.

Алекс прошелся фонарем по стенам погребца. Жёлтый кружок света выхватывал из темноты нарисованные вместо обоев символы, украшенные резьбой притолоки, заколоченное окошко, дверь и, наконец, на северной стороне длинную полку с человеческим скелетом на ней.

«Душа возле костей мается, не может за порог выйти», – повторил про себя Алекс. – Ладно, дальше пусть Цепков разбирается».

Скелет в подполье. Он же похититель живых. Хорошо, что у похищенных не было заговорённых фонарей и майфонов. В Небытии все телефоны, кроме майфонов, разряжаются мгновенно. А эта подземная горница связана с Небытием.

Помахивая фонарем, Алекс вышел из сторожки и оказался в толпе. Человек тридцать: одни заключали прогалину со сторожкой в круги, другие занимались освобожденными ребятами. Три ведуньи возились с Кузиком и Дениской.

– Я нашел его. Неупокоенный дух в Нижнем мире. Его кости в погребке, – объявил Алекс. Четверо порчельников прошмыгнуло в сторожку.

– Там темно, – предупредил Алекс, повернулся и чуть не поперхнулся воздухом.

Перед ним возник Горислав Цепков, словно из-под земли вылез.

– Какого ты здесь делаешь? – грубо спросил командир порчельников.

– Я? – Алекс изобразил недоумение. – Изгнал неупокоенный дух в Навь, нашел пропавших ребят...

– Совсем сдурел? Твое дело сидеть в Библиотеке и хлопать вратами. Гоффман не разрешил тебе в одиночку отлавливать неупокоенных духов.

– Если я решил ловить похитителя жизненных сил на моей территории, мне не нужно ничьё разрешение. Георг еще вчера вынес насчёт него приговор.

– Очень мило, что ты решил спасти своих ровесников, – скривился Цепков.

«Так, спокойно! Он бесится, что зазря примчался», – Алекс едва сдержался, чтобы не разругаться.

– А то. Дело-то пятнадцати минут для меня или полтора часа для тебя и твоей своры.

– Смерти ищешь? – спокойно спросил Цепков. – В прошлом году Гоффман всё тебе рассказал. А ты бродишь в одиночку. Дурость, или приберите меня поскорее?

– На мне его закрыть, – Алекс сжал кулаки.

Дневная жара плавилась, а злость сжигала. Странно, но эти два жара заставляли дрожать, как при ознобе.

Цепков закатил глаза к небу. Алекс видел, как взгляд Горислава напоролся на покрытое маленькими листочками сухое дерево.

– Точно, если ты не можешь спрятаться за Гоффмана, тебе нужен Виктор. А где сейчас твой безмозглый дружок? – Цепков повертел головой, будто кого-то разыскивал. – Ах да, он уехал на море. Раз твоя главная боевая единица ретировалась, ты сейчас должен почивать дневным сном или быть подле Гоффмана.

– По крайней мере, мне, чтобы поймать неупокоя, не нужно тридцать подручных, – дрожащим голосом ляпнул Алекс.

– Ты один без Гоффмана? – Цепков прищурился. – Ты хоть понимаешь, чем твоя выходка могла для нас всех закончиться?

– Я бы не успел загнать неупокоя в Нижний мир до вашего прихода, – ровным голосом ответил Алекс: один без Гоффмана, один без... без Георга.

– Думаешь, нас тут просто так три десятка собралось?

Ответ читался на лице Алекса.

– Прекрасно!

Цепков сжал кулаки и отвернулся.

Алекс мстительно прищурился. Он достал вредного порчельника.

– Смотри, не доиграйся, – прошипел Цепков. – Яна, впиши его рассказ в сказ для Григория.

Григорием он Гошу величает.

Подошла ученица выпускного класса Яна Сенькина – светлая челка, застенчивая улыбка. Ей вот можно охотиться на неупокоенных духов. Впрочем, тихая, кроткая Яна Алекса ничем не обидела. Нечего и ему на нее срываться. Он рассказал о Кузике, Дениске и колоде.

Сейчас бы сюда Истидара с его знахарями, но тех припрягли в «Тереме» слушать какие-то лекции. Но и без них, благодаря обрядам отведывания их главной чаровницы Лады Причу-

диной и ее подчиненной Оли Ворожейкиной, Кузик и Дениска пришли в себя и кое-как рассказали, зачем они пошли в лес.

– Да хотели один пранк попробовать, – всхлипнул Кузик. – Пока зимние каникулы не кончились.

Потом они присели под пользующейся дурной славой большой осиной, а дальше ничего не помнили вплоть до лиц Ворожейкиной и Причудиной.

– Когда это было? – спросила Причудина.

– Да вот. Э-э, лето? Январь же! А я понял, это пранк. Ну, девчонки, вы – профи! Научите?

Похищенные рассказывали одно и то же. Вот они идут в лес, а в следующий миг стоят в темноте, и над их головами узкая полоска света. Это крышка неплотно прилегалась к потолку. Телефоны у всех разрядились. У апрельской девочки был светящийся брелок в форме белочки, но и он помигал и погас. Они нащупали лестницу, но поднять крышку им не хватило сил.

Алекс ждал, когда прилежная Яна допишет сказ, как вдруг спасенные ребята уставились в пространство и невнятно забормотали. Ведуны, проводившие над ними обряды отведывания, бросились к ним.

– Опять неупокоенный дух атакует!

– Сатановский его не добил...

Алекс печально вздохнул. Никто их не атакует, неупокоенный в Нижнем мире – в Железном царстве, и оттуда его не выпустят. Просто после долгого пребывания в Нави неподготовленные к спуску люди вернулись с ведовскими повреждениями. Всегда так.

Чем дальше в Нижних царствах находится похищенный, тем тяжелее будет вернуть его тело и разум назад в Явь. Это настолько серьезно и грустно, что Алекс счел ниже своего достоинства осадить присягнувших. Цепковский порчельник или Причудинский чаровник получит от главного. Кузика с Дениской тоже госпитализируют. Тяжелее всего будет вернуть в реальность их и двойняшек.

Ну, ничего. Сейчас разработаны методики. К концу лета будут как новенькие. Как раз к школе. И Алекса они, если и запомнят, то безликим ведуном или духом. А Кузик с Дениской с их повреждениями даже не вспомнят, что возле Пурпурных Васильков встретили неведа Алекса, но вряд ли забудут, что помогли заработать миллион триста лайков Агате.

Алекс рассказал Яне про охваченную клубами дурмана дикую грушу. Когда этот дурман не схватил Кузика, Алекс решил, что заветные слова «не верю» превратят Кузика и Дениску в запрограммированных провожатых к неисчислиму-похитителю.

Так и вышло.

Алекс посмотрел, как порчельники Цепкова разбирают сторожку. И теперь чаровницы Лады Причудиной готовились очищать энергетику места. Горницу до поры до времени опечатали.

Цепков с тухлым видом вручил Алексу записанный Яной сказ, чтобы он передал его Георгу. К сказу добавили показания, а если точнее, сплетни о лешаке, собранные в поселке. Остальное ведуны узнали у растений и Земли-Матушки.

Общая картина получилась такая: Кузик с Дениской в зимние каникулы провалились в комнату-ловушку, где томился неупокоенный дух и, сами того не ведая, его выпустили.

В благодарность за освобождение неупокой наслал на Кузика и Дениску невероятно мощный морок. Чтобы ходить по земле, злой новоиспеченный дух нуждался в жизненной энергии людей. Так что в каждый приезд Кузика и Дениски к Кузиной бабушке пропадали дети. А приезжали горе-пранкеры раз в месяц.

По велению духа они натаскали досок и соорудили сторожку. Дыру, в которую они провалились, накрыли крышкой погреба. Связь с пространством неисчислимов быстро состарила доски. За четыре месяца сторожка превратилась в трухлявое гнилье. Но самое главное – порог. Кузик с Дениской клали новое поленце каждый свой приезд.

Порог – это замок на ловушке для похищенных. Зайти зайдешь, а назад порог не выпустит.

Так что прав был Дениска, если бы Алекс вошел в сторожку, неуспокоенный сам бы явился по его душу. Только вот драться с ним и открывать ворота пришлось бы рядом с похищенными. Ведающими или нет, что толку? Необученными ведунами.

Пранкеры-неудачники распространили слух о сторожке и лешаке. В поселке их никто не заподозрил. Слух будто взялся из ниоткуда. Всею виной отвод глаз, который сотворил неупокой.

Кузик с Дениской тоже не помнили, что пустили этот слух, как и то, что подначивали ребят идти к сторожке. Девочка в ветровке – троюродная сестра Кузика. Этот морок оказался сильнее кровных уз! И не будь Алекс тем, кто он есть, стал бы майской жертвой.

Кстати, бабушка Кузика и родители девочки принимали за дочь потерявшее кору полено. Морок был так силён, что их совершенно не смущала неспособность дочери встать с постели.

Хорошо, Гоша Седунов выбил у «Терема» распоряжение разобраться с тем, что здесь происходит.

Но вот что странно, Алекс заметил, что с Кузиком что-то не так только у груши. Не то чтобы он часто встречался с горе-пранкерами в городе, но ведь когда их недавно гоняли Агадины бесы, он не понял, что Кузик с Дениской под чарами.

И вот что интересно, те, кто искал сторожку без Кузика и Дениски, ее не находили, только подначенные «на слабо» могли переступить ее порог. Неуспокоенный тут же хватал их и отправлял в какой-то уголок в Нижнем мире. В обмен на живую жертву он получал силы ходить под солнцем. Чтобы находиться в Яви днем, он облачился в содранную с осины кору. Осина долго питалась его ненавистью, так что высохла, и ее кора оказалась неуспокоенному впору. Вот почему неупокой предстал перед Алексом в личине колоды. Не получи он новой жертвы, лежать ему колодой одеревеневшей. И тогда какой из миров его бы принял? Если раньше он был духом человека, то сейчас мало чем отличался от неисчислима.

И еще стены его темницы испещрены знаками-ловушками, удерживающими бесов. То есть тот, кто замуровал тело этого человека, знал, кем он станет после смерти.

Когда почерневшая колода ухнула в Нижние царства, сухая осина ожила, а похищенные живые вернулись в Третье царство. Их забросило в горницу, послужившую капканом-ловушкой для неуспокоенного.

Алекс тихо вздохнул. Он отлично понимал: неупокоя низверг он. Но увидел беду и попросил Георга присмотреться к исчезновениям в Васильках сновидец Гоша Седунов. Ведуны Цепкова и Причудиной нет, не зря их здесь столько собралось, опросили местных людей и неисчислимов, теперь очищают место от мертвой энергетики неупокоя и страха похищенных. Еще чаровники и чаровницы Причудиной опрашивали духов деревьев и воздушных духов, порчельники эксгумировали и запечатали останки тела неуспокоенного.

То есть Алекс опять всего лишь отправил кого-то в Железное царство. Хотя этого неупокоя пекельники переправят в Пекло. И хоть открывать ворота в Нижние царства – занятие не из легких, с таким же успехом он мог подождать, пока Цепковская свора притащит скрученного заговорами неупокоя в Библиотеку.

«Георг сделал бы всё в одиночку. А я только открываю ворота. Георг, посол Прави, ведает наперед. А еще он судья и вершитель. А я кто? Инициация может начаться в любой момент. Я должен быть готов. Что я творю?» – Алекс задумчиво стирал линии круга, в котором оставил рюкзак.

Начертить защитный круг носком ботинка, крутанувшись на месте, – навык, доведенный им до автоматизма, которым он весьма гордился. Забрать вещь из такого круга, подкрепленного шёпотком, таким коротким заговором, мог только тот, кто этот круг начертил. Работает только на сыпучих и вязких поверхностях.

Алекс надел бейсболку, закинул рюкзак на спину, и к нему подскочили Сеня Льнов и Пётр Козлов. Волосы Сени и намотанные до локтя на правой руке пестрые браслеты-обереги растрепались.

Алекс мгновенно раздражился: «С ветерком, значит, добирались».

У Козлова на шее болтался медвежий зуб.

– Немедленно спрячь оберег, – прошипел Алекс.

Даром что он чуть ли не вполовину тоньше крепкого Козлова, берендей немедленно сунул зуб под футболку.

– Ты должен прятать его от чужих глаз, – отчитывал его Алекс.

Оба помощника выглядели как после урагана и, несмотря на жаркий день, дрожали от холода.

– Льнов, если ты вызываешь ветер, то зови такой, чтобы он вас, двух опоздун, в миг ко мне принёс! Понял?

– Я думал, ты раззлишься, – выдохнул Сеня.

Алекс возвел глаза к окаймленному берёзовыми верхушками небу.

Если бы не годы командования этой парочкой, Алекс решил бы, что Льнов издевается. Но сочувствующий Сеня и не думал его поддеть.

– Хватит терять время. Возвращаемся. Мне нужно отвезти сказ Георгу. Тц, перестаньте дрожать. Ты, что арктический ветер оседлал?

– Перенести нас к Библиотеке? – оживился Льнов.

– Чтобы я дуба дал?

– Извини...

Алекс стиснул зубы: «Бесите. Что бы вам такое... А, знаю!»

Скоро на изрытой колеями проселочной дороге показались трое. Сеня Льнов тащил рюкзак Алекса. Сам Алекс ехал на спине большого бурого медведя Петра Козлова и рассказывал Георгу по майфону про неупокоенного духа. Когда его собеседник говорил, Алекс откусывал от внушительного бутерброда с копченой колбасой и солеными огурцами на ржаном хлебе.

– Неупокоенный вел себя, как дух проклятого человека, требующий жертв, но его способности не уступали силе некоторых неисчислимов. Докатались, мутируют неупокои, что ли?

Алекс откусил от бутерброда.

– Когда Кузик привел меня к сторожке, хозяина не было дома, и я пошел ему навстречу. Нет. Он валялся, прикинувшись колодой. Никто не ходил в... «лес», и у него не осталось сил вернуться в горницу. В сказе комнату с полкой Яна назвала горницей... Эй! Это было просто! Мы позавчера закрыть новый установили. Всё в порядке. Ты сам всё знаешь. Я могу один. Ну, считай, я развлекся. Ну, Георг, в самом деле... А неупокои, оказывается, творческие личности. Предстал в образе колоды. Слил с древесной энергией. Дерево, похищение живых, рабы-болваны. Ну да, не колодой, а корягой. Не знаю, почему-то глядя на нее, колода и всё. Ха, лешак похищает в Васильках! Я за лешаков горой... Куда царства катятся? Я обездвижил его солью. Чтобы не задеть наш мир, начертал охранный круг. Почти без проблем окружил барьером... Еще как сопротивлялся! Круг – надежная преграда, но он сбросил соль! Я сказал про соль Яне, чудесные помощники чаровниц соберут крупинки.

Алекс надолго замолчал и тихо ответил:

– Вот оно что. Ты раньше не говорил. Значит, заклятый или проклятушник. Он, кстати, сломал осину... Нет, она находилась за воротами, но в охранном круге. Вот ирония: из всех деревьев залег рядом с проводником в Нижний мир.

Алекс снова долго слушал, не забывая есть теперь сосиску в тесте, и заговорил с набитым ртом:

– Ее «двуличный», как ты говоришь, лист взял на себя вес, равный Уральским горам, и низверг колоду в Навь. Я этого неупокоя в Железное царство отправил. Ну, я подумал, вес

священных гор... Кстати, в Пекельном царстве сейчас празднуют чьё-то перерождение. Хотя, может, всё уже прошло. Осину я вернул, она жива. Ладно, забыли. Дело прошлое. Есть еще какие дела в этом секторе? Ну, отлично. Что? Я ем. Издеваешься? Я с пяти утра не ел. Нет, меня Козлов на станцию везет. Чего? Я устал. Меня ноги не держат. Да я с четырех часов на своих двоих ношусь. Ладно. Козлов, Георг говорит, что ты очень добр ко мне. А я говорю тебе, что берендею тащить меня – плевое дело. Сдерживающий твою медвежью силу зуб у меня, так что не филонь. Георг, вечером в силе? Без вопросов, я приеду – посплю. Возьми меня с собой! Что? Да-да, в восемь часов. Ага, пока.

Алекс закончил разговор и скептически посмотрел на маячащую впереди красную крышу железнодорожной станции.

– Эй, мы так не успеем. Электричка через семнадцать минут. Следующая придет только в два часа ночи. У нас Георгом в полночь дела. Вперед, Козлов! Поднажми! Я не разрешаю тащить нас ветром, дай воды, – последнее он кинул Льнову.

Льнов остановился, нашел в рюкзаке Алекса бутылку родниковой воды и помчался за Козловым.

– На ходу достать не мог? – разозлился на него Алекс.

Когда Льнов протянул ему бутылку, Алекс выхватил ее, отпил пару глотков и начал копаться в майфоне.

Льнов, который внимательно слушал рассказ Алекса о сегодняшнем происшествии, спросил:

– Почему ты не поверил, что это лешак?

– Потому что зависшие мониторы были обморожены, – не отрываясь от просмотра видео, ответил Алекс. – А? Ты спросил, почему я не поверил, что похититель – леший? Это вообще не лес, а запущенные насаждения. В рукотворных лесах лешие редко заводятся. Возле Васильков лешего отродясь не возникало. Я всё еще хочу есть. Дай мне контейнер с бутерами.

Сеня Льнов протянул ему контейнер с булками и бутербродами, достал его на этот раз, не останавливаясь. Алекс выбрал бутерброд с сыром, колбасой и помидором на белом хлебе, поднес ко рту и вдруг опустил его обратно.

– Надеюсь, вы в поселке обо мне не спрашивали?

– Нет, – дружно ответили помощники.

Козлов проревел, хоть и может в обличии медведя говорить по-человечьи.

– Отлично.

Алекс задумался о замурованной душе, которая взамен себя бросала живых людей на пограничье Яви и Нижнего мира.

Неупокоенный...

Заперт в ловушке для нежити не может миновать порог, но улетает в дыру в потолке, крадет энергию деревьев, похищает людей, ходит днем в личине. Ладно бы еще ночью. Соль на него действует частично. Выходит за порог горницы. Не выпускает за порог жертв. Ловушка под землей – это символы, которыми сдерживают не человеческого духа, а неисчислима. Но он удерживал похищенных другим порогом. Удерживать порогом способен только человек или человеческий дух. Еще у него сила отправить в иной мир.

Что он такое? Дух проклятого порчельника?

«Разборки с неупокоями – дело Навьего посла. Георг ничего не рассказывает мне про его обязанности. Мое дело – границы и переходы. Эх, собирался все майские тренироваться. Но правильно ли, что я в Навьем деле стою в стороне? Или пока я не пройду инициацию, нечего соваться? Ладно. Хорошо, охранный круг универсален и удержит в себе всех и вся. А Нижний мир принимает всех неживых и только потом разбирается», – размышлял Алекс.

Они добрались до станции за пять минут до прибытия электрички.

– У меня проездной, – напомнил Алекс, пересаживаясь со спины Козлова на скамейку и обводя взглядом пустынный перрон.

Льнов пошел к кассе. Вскоре из-за поворота показалась электричка.

В почти пустом вагоне Алекс устроился у окна и объявил:

– Я посплю. У меня уже голова не соображает. Нам с Георгом еще сегодня присутствовать при дележе.

Козлов в человеческом облики послунывил палец и налепил билет себе на лоб. И тут к ним подошла кондуктор. Не сводя осуждающего взгляда с Козлова, указывавшего на приклеенный ко лбу билет, Алекс с кислым видом протянул проездной.

Тут Льнов достал из-за уха свой билет, свернутый трубочкой. Стыдясь своих великовозрастных подопечных, Алекс откинулся на сидении и прикрыл глаза: «Да пошли они, сейчас главное – поспать, наверняка до рассвета провозимся».

– Кто что делить будет? – спросил Льнов, когда кондуктор ушла в другой конец вагона.

– Анчутки. Воздушное пространство на лето. Сходка сегодня в полночь. Я поставил себе будильник за три остановки до нашей. Не проснусь, трясите, – вывалив на помощничков информацию, Алекс прислонился виском к окну и на самом деле заснул.

Льнов с Козловым облегченно выдохнули: Алекс их не прогнал.

ЖСК «Облака» – это семь девятиэтажных квадратных новостроек из красного кирпича. Их построили и в Третьем царстве, и в Кромке. Так что с квартирой в Третьем царстве собственник приобретал точно такое же жилье в Нулевом царстве.

На балконе последнего этажа боковой высотки в жарком мареве подрагивала тонкая, высокая фигура. Казалось, вот-вот и неисчислимы исчезнет в раскаленном воздухе.

Только бесов на этом балконе быть не может. Молодой темноволосый человек, а это был именно человек, спрятал майфон в карман и раздраженно скрестил руки на груди. Он хмуро вглядывался в чистое, почти прозрачное небо, словно пытался разглядеть предвестия шторма в небесном океане.

В море солнечного света его серо-зеленый глаз пожелтел, а серый стал одного цвета с необъятным ясным небом.

– Осина – двуличное дерево. Начнет он снова меня слушать?

Глава 4. Крутим-вертим

На подъезде к городу тревожно пикнул майфон у Алекса. Он медленно опустил руку в карман.

Льнов с Козловым напряженно смотрели, как он поднял телефон на уровень глаз, что-то развернул, наконец, поднял веки и вперил взгляд в экран. В это время электричка остановилась, открылись двери.

– Тц! – Алекс глянул в окно и вскочил. – Вставайте, выходим! – крикнул он и выбежал в тамбур.

– Э-э, мы еще не доехали... – начал было Льнов.

Когда помощники спрыгнули на раскалённый от солнца перрон, Алекс уже перебрался через заборчик станции, вскарабкался на заросшую чертополохом насыпь и теперь лез в пыльные кусты.

«Опять Вертящийся дворец... Нашли чем хвалиться. И чего богатырей так к нему тянет? Повезло, что они фотографии выложили, когда мы здесь проезжали», – думал Алекс.

– Это здесь вы зимой в бункере две недели дежурили? – спросил Льнов.

Он полз за Козловым через кусты. За Льновым примятая трава выпрямлялась, а ветки снова переплетались. Несколько раз он чувствовал на себе чей-то пронзительный взгляд, и его пробирала дрожь.

– Почувствуешь взгляд, не смотри в ответ, это бесы-охранники, а то заморочат, – запоздало предупредил Алекс.

Он шагал в полный рост. Ветки перед ним расступались, образуя арку. Но перед помощниками арка сжималась до маленького коридорчика, по которому те могли только идти на четвереньках.

– Ага, здесь, – кивнул Козлов.

– А это здесь ты целую ночь один пробыл?

– Прекрати болтать и пошевеливайся, – раздражённо бросил Алекс и подумал: «Какое тебе дело?»

Конечно, такой невнимательный ведун, как Льнов, ничем не мог помочь ни в слежке, ни против Навьего существа, так что его загрузили контролем погоды над полями и в бункер не звали.

Алексу меньше всего хотелось обсуждать ночевку в бункере с таким, как Льнов. В голосе облакопогонника сквозила жалость: один возле болота ночь коротал, как же тебе бедному страшно-то было!

Ну надо же! Какой ужас!

Ух, как же это бесит!

Алекс присел на корточки и постучал по ржавой крышке.

Люк немедленно открылся. Алекс быстро спустился на две ступени и спрыгнул на пол: девчонки кусочки линолеума трое суток стыковали.

– А если бы ты ногу подвернул?

Круглая лампочка на стене светила жёлтым. Широкий бетонный коридор был завален мешками и ящиками, в трёхлитровых банках и светильниках вместо свечей дремали подаренные духами болотные огоньки. К люку вела лестница: три далеко расположенные друг от друга ступени-перекладыны, последняя была в метре от пола.

Следить за входом поставили порчельницу Верку Болтову. Девица с ногами забралась во втиснутое между ящиками просевшее кресло. Похоже, ей было лень переодеться из школьной формы. В руках она держала раскрытый учебник английского и тетрадь. На подлокотнике лежала красная бейсболка. Возле кресла стояли домашние тапки.

– Ты мог ушибиться, – продолжала отчитывать Верка. – О, еще один.

Следом за Алексом спрыгнул Козлов. И, наконец, свалился Льнов: промахнулся ногой мимо перекладины и грохнулся на Козлова.

– Я предупредила.

– Я изменю переход, никто не должен в него заходить, пока я не вернусь, поняла? – пресек Веркину тираду Алекс.

Болтова кивнула: ее белые хвостики по бокам головы качнулись взад-вперед.

В этом заброшенном бункере теремные волхвы сорок лет назад проводили опыты, а в этом январе он за двадцать один час был выскоблен до блеска, отремонтирован и оборудован под наблюдательный пункт командой Георга.

Незабываемые новогодние каникулы и начало третьей учебной четверти. Всё потому, что в болоте неожиданно открылась забытая калитка в Нижний мир.

Когда-то из-за близости больших Врат калитку не заметили ни «Терем», ни на тот момент малоопытные Георг с Алексом. Но этой зимой через нее попыталось пройти Навье существо. Рядом как раз упражнялись летать в сорочьем обличии вещтицы, они-то и доложили Георгу, что духи болот средь бела дня рвутся из-под льда впадающего в болотце ручья. Они же расколотили лёд клювами.

Тогда накануне богатыри поголовно отправились на Заставу в Кромку, потому что какие-то духи холода припозднились к ежегодному своему появлению и полезли так не вовремя. А прибывший на место Алекс не смог закрыть калитку, потому что из нее высовывалось громадное чёрное нечто. Что это когтистая тринадцатипалая рука стало ясно через пару суток. Не имевшее в родной Глубинной Нави устойчивой внешности существо принимало форму, адаптировалось к нахождению в Яви.

Чтобы аура вторженца не распространялась по Третьему царству, Георг установил вокруг калитки печати и закрыть. А незанятые члены их команды установили дежурство у мониторов, транслировавших поверхность болота и дно с торчащей из калитки рукой. Для этого в болото были перемещены заговорённые зеркала, перенесенные из Тридесятого царства.

В какой-то момент не занятыми в «Тереме», Кромке, Закромкских царствах и притом не свалившимися от усталости остались Алекс с богатырь-девицей Дашей Сахаровой. Цепков тогда уехал домой в Тридесятое, а его свору припахал «Терем». Следующей ночью Дарью вызвали на Заставу: духи холода никак не хотели запикиваться назад в Провал. К Алексу присоединился Истидар. По сравнению с богатырями и порчельниками Явский посол со знахарем – не самые лучшие боевые единицы. Но Алекс прекрасно владел заговорами, а Истидар мог не только ладить, но и проклинать.

Не прошло и часа, Истидара позвали на другой конец города, за Заводской район, лечить ледяные и термические ожоги: Цепковские порчельники по приказу «Терема» выдворяли из области чертей, когда налетели духи холода. Черти, известное дело, запаниковали, их страх перед духами оледенения велик, и разлетелись, паля во все стороны проклятым огнем. Вот Истидар и отправился ладить последствия проклятий чертей и духов холода.

Алекс в одиночестве таращился на мониторы, пока не рассвело. С бледным светом дня вернулась разгоряченная боем, покрасневшая Сахарова.

А спустя неделю Алекс закрыл калиточку на дне болота. От Юловой и Причудиной он узнал, что «громадную чёрную руку» затолкал назад в Навь проезжающий мимо Велесов потомок. Вот кого по просьбе Георга Правь прислала остановить вторгающееся в Третье царство дитя Нави.

Узнав это, Алекс с облегчением выдохнул, ведь Велесов потомок прибыл к калиточке не в его дежурство. Велесовы потомки, невероятно могучие ведуны, ненавидят Явских послов и, в отличие от теремных волхвов, узнают их с первого взгляда. А Гоша расстраивался, что,

задержавшись в Прави, не разобрался с Навьей Рукой сам. Алекс даже знать не хотел, что бы тут смог поделаться сновидец.

Потом Гоша Седунов на птичьих правах посла Прави взял у «Терема» в аренду на пятьдесят лет облюбованный командой бункер. «Терем» в свое время много таких по области наделал, даже некоторые бомбоубежища переоборудовал. Теремные волхвы проводили в них опыты, а затем просто опечатали их и бросили. Зато теперь бункер пригодился команде ведунов, посвященных в тайну послов Яви, Нави и Прави.

Алекс оставил позади тамбур, прошел мимо занятой знахарями медчасти, мимо завершенной светящимися мониторами комнаты наблюдения: теперь в ней следили за некоторыми калитками, открытыми Алексом и Георгом.

Алекс поздоровался с топчущимися у пункта управления чаровником Филатом и порчельником Пересветом и завернул в жилые помещения, пять из шести были заняты под недочерченные круги-врата. Алекс лично начертил дуги и знаки.

Он проскочил мимо волкодлака Феди Михайлова и вештицы Зинки Юловой, занятых сборкой шкафчика: надо же. А в прошлом месяце из-за этой парочки сильно пострадал Истидар.

Юлова превратила Федота в медведя за то, что он накануне не пришел на свидание: пробегал со стаей волком по Ленинскому району. А Федот, оказавшись в шкуре медведя, обезумел и рванул за Зинкой, но вместо этого закружился по помещению, размазал недочерченные врата в Тривосьмое царство. Он непременно выскочил бы в переполненный людьми бункер, если бы Истидар не воткнул в дверной косяк нож, а перед этим вытолкнул Зинку с Филатом за порог. Богатырь Стас Буреломов специально поставил деревянные косяки, чтобы, что случись, заговорённые ножи втыкать. Воткнутые в деревянный дверной косяк железные лезвия не дадут ведунам и неисчислимым выйти или войти.

Вытащить заговорённый нож может только тот, кто его воткнул. Или более сильный ведун. Так что Федот не мог выйти, пока Истидар не вытащил нож из косяка. Будучи в волчьей шкуре, Федот никогда никого не кусал, а теперь заметался, врезался в стену и вдруг развернулся, прижал уши и укусил главного знахаря за руку.

В обличии медведя!

Минуты не прошло, в соседней комнате из Тривосьмого вернулись порчельники и бросились утихомиривать Федота, но на всей скорости врезались в невидимый барьер, будто впечатались в окованную железом дубовую дверь. Пока порчельники стонали и ругались: «Да слезь ты с меня, баран безмозглый!», – Истидар вырвал из косяка нож: барьер исчез. А к дверному проёму протолкался Цепков.

Его презрительный взгляд прошелся по разводам, в которые превратились врата, по Истидару, стоявшему в луже собственной крови, он перетянул себе раненую руку, а в здоровой держал нож... В углу хныкал неудавшийся медведь Федька в человеческом обличии: Истидар вернул ему облик, кто, кроме него, ведает, каким именно заговором. Федька хоть и бегал волком, но в жизни никого не кусал. Ну и трясло же его.

Тогда Алекс сгонял в Тридесатое, а вернулся в бункер, держа в зажатых ладонях две ампулы с живой и мертвой водой. Дарья Сахарова не разрешила Алексу смотреть на Истидара и сама отнесла ампулы в медчасть.

Если это не твой рок, лечение живой и мертвой водой гарантирует полное исцеление, но боль Истидар пережил настоящую и кровь терял, не воду проливал, хоть мертвая вода потерю и восполнила. Если бы Истидар не удержал Федота, жертв могло быть намного больше.

Даша Сахарова вылеченного Истидара отвезла на машине домой. Алекс уехал с ними. В бункере остался занудствовать Гоша Седунов.

Зинка хороша, но как перекидывающийся в волка Федот мог потерять голову от испуга, что его оборотили? Seriously, только лишь превращая, вещтица не лишает разума. Ну, Бурелом Федоту тогда бока и намял.

Помещение, которое было нужно Алексу, не имело двери и порога. На выбеленных стенах зеленой краской выведены обереги и печати, а на полу нарисованы два круга: один в другом, внешний сплошной, внутренний – по ободу первого символы. Надписи на воротах так же, как и заговоры, записываются буквами старой азбуки глаголицы, теперь именуемыми символами. А вместо пробелов и знаков препинания между словами ставятся точки и чёрточки. Своеобразный код Мирowego Порядка.

Чтобы активировать ворота, нужно добавить всего один знак. Но чтобы переход работал, начертить его должен Алекс или его регент Георг. У других символы выйдут искажёнными. Начертит Истидар прямую линию, а она загнетса. Так мироздание отвечает на попытки овладеть умением Явского посла другими ведунами.

Через границы, спуски и подъёмы можно проложить проходы в другие царства. Но только в те, что в одном ярусе с тем, в котором ты обретаешься. Если в Яви находишься, то с разрешения Явского посла можешь, переступив через порог, перейти из Третьего в Тридешатое. В Навь спустился, попроси Явского посла, поднявшись на три ступени по лестнице, попасть из дворца Серебряного на площадь Медного царства. А в Прави, спрыгнув с сундука в тереме Зари-Заряницы, перешагнуть в Ирий. Но чтобы перейти из Тридевятого во Вторые царства, нужны ворота или круги. Это как разрез в материи пространства сотворить и иглой с вправленной в нее толстой нитью стежки вокруг этого разреза наложить.

Так что нельзя три раза шагнуть, чтобы попасть в Навьи царства. Чтобы попасть туда, куда Алекс отправил колоду, и в царство, в которое он сейчас спешил, нужно начертить круг, то есть отгородиться от мира, и внутри знаками-символами обозначить путь и место назначения. Или можно найти постоянные Ворота наподобие сосен возле дома, на другой стороне которых одно из Навьих царств.

Алекс взял с полки губку, такой в школе моют доску, осторожно стер пару символов, а вместо них начертил другие.

Связывать Явь с Навью постоянными воротами опасно. Поэтому Алекс с Георгом, когда им нужно попасть в Нижний мир, чертят ворота тем, что можно стереть.

Правда, еще бывают личные ворота. Такие ворота – это предмет, который проведет хозяйина в одно конкретное царство, как через открытую дверь. Ну, зачастую дверь и правда материализуется. Так, например, попасть в Серебряное царство можно с помощью кольца, ну да, серебряного. Вообще, такие предметы, как «переносные ворота», – это большая редкость.

Алекс черкнул последнюю линию, и ворота озарились тусклым светом другого мира. Они ведут не туда, куда Алекс отправил духа похитителя живых. Он шагнул в круг и вышел на широкую дорогу в начале улицы. Медные рябинки за его спиной не шелохнулись.

Медное – самое посещаемое живыми царство Нави. Здесь правит Змиулан Шестидешатый, чей род змеев царствовал в Медном еще с Докромкских времён. Даже когда Медное вместе с Золотым и Серебряным поднялось в Явь, Змиуланов род продолжал в нём править. Ну, потом Золотое царствие поднялось в Правь, а Медное и Серебряное снова опустились в Навь. Впоследствии Золотое снова рухнуло в Явь. Сейчас Серебряное хоть и продолжают называть царством, но официально оно теперь княжество в составе Тридешатого вроде как Явского государства.

Сейчас в Медном стояла гробовая тишина. Покрытые бесшовно скрепленными медными листами улицы тускло сияли в сумерках. Обычно пестрые потоки разодетых змеев носились над городом, отбрасывая блики на крыши срубленных из местной медной древесины домов и начищенных теремов, но сейчас воздушные магистрали пустовали.

В центре города возвышался высоченный столб. На нём, словно закрытая полупрозрачной пеленой облаков громадная, прямоугольная луна, тускло сиял Вертящийся дворец.

Столб, на котором он стоял, кружил его то в одну сторону, то в другую. При этом во дворце движение не ощущалось. И вот сейчас столб не двигался.

Льнов с Козловым встали рядом с Алексом и тоже уставились на застывшую гордость Медного царства. Алекс сделал пару неуверенных шагов.

– За мной! – приказал он Льнову и Козлову, а то еще натворят чего-нибудь, и перешел на быстрый шаг.

В школе думают, что он бегаёт по утрам. Но на самом деле Алекс частенько встает затемно, добирается до нужного капища и на рассвете приветствует Зарю-Заряницу, кланяется Солнцу, совершает обряды, а потом спешит домой, чтобы успеть в школу.

И попробуйте не бегать, как ветер, если свалился с арысь-поле Лёльки – барышни, перекидывающейся в рысь, и пытаешься ее догнать. А всё потому, что Лёлька обещала его подвезти, чтобы он сказал загостившейся в Серебряном царстве сестрице Финисте, что приехал заморский посол.

На пересечении улиц Алекс увидел первого жителя. Змей длиной с человеческий рост спал, высунувшись из окна усадьбы.

Разноцветные линии спящих змей пересекали боковую улицу и наверняка продолжались на крышах, это те змеи, что летели по воздушным магистралям, когда царство захватил сон. Алекс побежал.

В летнем кафе посетители, обернувшись кольцами вокруг спинок кресел, шипели во сне. Один дух в облики парня, только чересчур прозрачного, спал вверх тормашками, зацепившись ногой за ветку осины. Вообще на всех деревьях в сквере спали духи, змеи и черти. Последние за компанию.

Призрачные огоньки посапывали, растянувшись под столбами. Каждую ночь огоньки садятся в медные креслица на этих столбах и освещают собой город. Сейчас свет их потускнел. Несколько светящихся духов в личинах полупрозрачных парней и девушек делило осину с чертями. В окнах резиденции графов Скарапеевых горели чёрные светильники. Но, скорее всего, и тут все спят.

Темно-зеленый в золотой ромб змей в пурпурном кафтане растянулся вдоль стены графской резиденции на добрых три метра. Алексу показалось, что это один из дворцовых советников ныне правящего Змиулана.

Медное превратилось в сонное царство.

И тут раздался отдаленный грохот и очень близко взрыв молодецкого смеха:

– Через три царства в четвертое!

Алекс достал майфон, проверил чат.

Обычно богатырь добывает кладенец, в течение долгого времени владеет им, и после этого на него сваливается инициация. Но бывает и так, что кладенец дается богатырю во время инициации.

Некит – ровесник Стаса Буреломова и Дарьи Сахаровой, с шести лет размахивающих мечами-кладенцами, только вчера прошел инициацию: добыл на дне морском свой кладенец, а сейчас удерживал столб, не позволяя дворцу вертеться.

Алекс перешел на шаг и вышел на главную площадь, посреди которой стоял столб с дворцом. Тут собралось с дюжину молодых богатырей и богатырь-девиц. Среди них Алекс признал двух поляниц – богатырш, охраняющих Тридесятое. Алекс был хорошо знаком с их предводительницей Беляной, редко встречал ее младшего брата Булата, а их младшая сестра Настя, когда он бывал в Тридесятом, просила его помочь с тренировкой.

Увидев Алекса, защитницы Тридесятого низко поклонились. Остальные замолчали, только присутствующие здесь три порчельницы зашептались.

– Эм, – приблизилась к Алексу на два шага подруга Дарьи Сахаровой – Велина Камнева, – у нас тут посвящение. Некиту меч-кладенец дался.

– И для этого вы в чужом царстве железную палицу бросаете? – Алекс удивленно приподнял бровь. – Через три в четвертое? Ну, кто пойдет следом за ней в... – он поднял взгляд на подземное небо и демонстративно загнул три пальца, – Железное?

Он снова посмотрел на богатырей, но те словно окаменели.

Алекс прекрасно знал, не могли богатыри перекинуть пятитонную палицу отсюда в Железное, зато ох и напугал же он их!

У Алекса за спиной в обличии медведя затормозил Козлов. С его спины с рюкзаком Алекса в руках соскользнул Льнов. Козлов встал на задние лапы.

– Я тебя умоляю, – сказала ему порчельница Лизка Болтова, младшая сестра погодки Верки.

Голову ее венчал ободок с ярко-красным искусственным пионом, закрывающим половину Лизкиной головы.

Алекс повернулся к ней.

– Все ваши в Васильках. А вы что здесь забыли?

– Седунов отправил нас за богатырями.

– И потому вы выложили фотки с держащим столб Некитом на «Крыльцо»? А вы, богатыри, – он посмотрел на застывшего Некита, – только что выложили видео, как палицу пятитонную кидаете. Сами себя сдали.

– Змеи сами заснули. Вот где стояли, там и рухнули. Я пытался исправить, когда ты пришел.

– Ты сначала назад столб крутил?

Некит кивнул.

– Сколько раз?

– Двадцать семь минут, – посмотрела в телефон Лизка. Пион на ее голове качнулся. – А потом он застрял. Не Некит, а столб.

«Я без понятия, сколько раз Некит мог повернуть дворец за двадцать семь минут. Сам дворец вертится, как вздумается, но если его крутить принудительно, в царстве меняется время. Сейчас Некит установил в царстве зимнюю пору, вот змеи и заснули. А змеи не обращали внимания на богатырей, потому что обычно те покрутят столб и уйдут. Установить зиму далеко не каждый богатырь может».

Алекс подошел к столбу и быстро зашептал. С последним звуком его голоса столб дернулся и снова замер. Алекс рукой начертил в воздухе символы, и на столбе вспыхнула надпись: «Девятнадцатое января». И это с учетом того, что богатырь уже крутил назад. Вот куда исправил Некит.

– Чуть-чуть в прошлый год не ушел, – одобрил несведущий Колян Смеянов.

Порчельницы стояли, как громом поражённые. Чаровники специализируются на создании шепотков, приговоров, одним словом, заговоров. Но Алекс наложил такой заговор, такое ведовство, на которое не факт, что Причудина способна. Дата будет меняться по мере движения столба, как вечный календарь, а когда совпадет с сегодняшним днем, идущим часом, минутой, секундой, светящиеся цифры исчезнут.

– Быстро крути столб в нужную сторону, – приказал Алекс.

Некит был на две головы выше Алекса и в два раза шире его в плечах. Но богатыри всегда получали помощь от Явских послгов. Если царь или царица загадывали задачу, богатырь встречал путника, товарища, того, кого теперь называют послгом Яви, который указывал ему путь, даже становился попутчиком и помогал преодолевать препятствия. А тот, кто указывает путь, может и на мощеную дорогу указать и через дебри послать.

– Но...

– Велин, серьезно, из-за вас в который раз всё население Медного царства с ритма сбилось? Сегодня что, Воздвижение? Змеи не совершили свои обряды перед спячкой. Так что крутите столб. Да перестаньте вы бояться, что я вас с третьего шага отправлю в Пекло!

До этого богатыри сделали кто один, кто два шага и застыли, а кто и с места не сдвинулся, теперь они оправдательно забубнили и потянулись к столбу.

Через пять минут ускоренного кручения столба в три пары богатырских рук, больше за раз не поместилось, «настал» апрель, май и, наконец, цифры на столбе исчезли.

– Отпускай.

Столб пошел своим ходом в несколько раз быстрее того, как его крутили богатыри, словно дразнил их.

В это время вернулась Велина. Алекс отправил ее в три шага сходить за палицей в четвертое отсюда царство и разрешил в три шага вернуться к Вертящемуся дворцу.

Тот змей, что спал, растянувшись у стены особняка Скарापеевых, поднялся, резко дернул змеиным телом, таким образом он отряхнул пурпурный кафтан от пыли и подполз к Алексу.

– Простите мою фамильярность, – четко, без всякого шипения произнёс он, поднявшись на хвосте вровень роста Алекса, и вежливо склонил голову. – У государыни Тридесятого к нашему повелителю дело?

Голос у него юношеский, так это же самый молодой советник, ровесник Алекса. Они с Георгом всегда с этим змеем запросто разговаривали.

За спиной советника просыпалась улица: змеи поднимались на дыбы, некоторые надевали человеческие обличия. Для них и змеиная кожа, и человеческий облик родные. В этом они схожи с берендеями.

Несколько змеев уже скользили ко дворцу. Поравнявшись с Алексом и его собеседником, они приподнялись на хвостах, поклонились и поспешили дальше. У самого столба они взлетели. Жители Медного летают не хуже родственников летучих змеев. И тем и другим, чтобы летать, не нужны крылья.

– Нет, я просто проезжал мимо, – Алекс поклонился в пояс.

Ведь проезжал мимо бункера на электричке.

Об этой выходке двор Змиулана будет опять говорить с начальником Заставы. Нет-нет, а найдется богатырь, желающий забраться в Медное и покрутить столб со дворцом.

– Хоть пару раз в месяц богатыри переполох устраивают, – поделился советник. – Но так, чтобы в сон нас погрузить, давно не бывало. Эх, совсем чувства меры не ведают. У нас группа туристов-чаровников из Триседьмого во дворце. Сейчас спускать их будем. Их величество сейчас в отъезде, иначе не дал бы нам заснуть. Полагаю, спасением мы обязаны вашей светлости.

И змей поклонился до земли, чуть не касаясь головой медных булыжников. Для этого он изогнул тело дугой.

А спустя неделю Алексу в Тридесятое будут присланы подарки из Медного царства: знаменитый пояс, сделанный из первой сброшенной шкуры Змиулана Пятьдесят Седьмого и кафтан из тридцать третьей кожи Змиулана Шестидесятого. Таковы в Медном традиции: пояса и одежда из сброшенной змеиной кожи – почетный дар. А из кожи змеиных царей-королей – могучий чудесный предмет, который защитит, согреет, сокроет. Змиулан Шестидесятый сбросил кожу, значит, достиг нового уровня ведовской силы. Это как у ведунов пройти инициацию. Только инициация обычно один раз в жизни. Хотя бывают и исключения.

Раскланявшись с советником Змиулана, Алекс приказал всем шагать за город. Там он пропустил богатырей и порчельниц пройти между рябинками.

К Алексу подошли поляницы.

– Ваша светлость, что нам передать государыне?

– Передайте привет. Сможете?

– Попросим сестрицу Беляну.

- Лады. Шагните между рябинами и окажетесь в Серебряном.
- Владыка, вы нам здорово помогли, – обрадовались девушки.

Из Серебряного царства легко перейти в Тридесятое. Через них мост хрустальный перекинут. Выйдешь в Тридесятом на берег морской. Висит, поблескивает на свету ледяной мост над волнами, а где-то на середине становится бледным-бледным и вовсе исчезает в снежной дымке. И вот по нему-то Алекс не так давно бежал-скользил за арысь-поле Лелькой.

Следом за Льновым и Козловым Алекс сам прошел между рябинками и очутился на краю круга в тускло освещенном помещении с бетонными стенами. Он сразу же мысленно «закрыл» врата и размазал ботинком на полу один знак.

Мимо по коридору знахари вместе с присоединившимися богатырями и порчельницами таскали мешки с лекарственными растениями. Тюков с травами в апреле получилось много. Врата в лабораторию Истидара были открыты с той стороны Георгом.

- Так идите, помогите носить.

Льнов и Козлов протопали мимо, а Алекс окончательно стер координаты Медного царства, и написал на круге знаки, которые создадут переход в Заветное государство, тоже подземное, только круглую точку в конце не поставил. Раз уж он здесь, Алекс прошел-проверил остальные врата. Трое врат закрыты, недоначертаны. От открытых врат к Морскому царю на вершину башни остались одни разводы.

- Ну сколько раз говорить?

В Морское царство одни из двух врат всегда открыты. Ну не могут Георг с Алексом такие врата закрытыми держать. Дежурные в бункере с победы Велесового потомка над Явским существом через эти врата купаться на море бегают: в официальные врата за Дворцом культуры на Третьей Дачной и на Славянской площади всегда очередь, ждать неохота. А шпиль самой высокой башни в Морском царстве как раз у поверхности воды, а рядом островок с белым песочком.

Алекс принялся заново чертить врата в Морское царство.

К нему заглянула Зинка Юлова:

– Это морской конек его высочества царевича Елисея. Когда его хозяин от царя морского шел, за ним сюда скакнул, ну и как плеснет, а сам назад брякнулся. Елисей домой в Океан-Море через врата в Заветное потопал. Представляешь?

Только трёхметровых морских коньков здесь не хватало. И чего только морские царевичи ходят в Третье царство через врата в бункерах? Ясно, Елисей хотел произвести впечатление на Причудину.

Ха, так главная чаровница с прошлой недели за городом шашлык ест, грядки сажает и разговоры оттачивает.

- И что Елисею тут было нужно? – спросил Алекс.
- Купил в ближайшем магазине сухарики со вкусом семги с сыром.
- И только?

Алекс с Юловой согнулись пополам от смеха. Ну, точно, царевич Елисей караулил Причудину. Ближайший магазин отсюда ой как далеко. А уничтожив символы на вратах, вернуться через них он не смог. Пришлось морскому царевичу идти через Заветное.

Оставшиеся врата были в том состоянии, в котором Алекс их оставил.

Мешки с травами переправились в подсобные помещения летней лаборатории. Сам Истидар перешел в бункер и вместе с Алексом, Льновым и Козловым отправился на железнодорожную станцию.

– Я буду спать, – предупредил Алекс Истидара, пока они ждали электричку, и переставил будильник на майфоне.

– Вопрос анчуток? – поинтересовался главный знахарь. – Георг просил прислать знахарей. Я тоже иду.

– Ну да, если анчутки опять передерутся, леший им не спустит. А его гнев всех заденет. Будильник не понадобился. За две остановки Алекса с Истидаром разбудил рёв Козлова в медвежьем обличии. Это Льнов со своими спешащими часами запаниковал, что будильник не сработал, и надоумил Козлова разбудить их. На самом деле Алексу с Истом оставалось спать еще три минуты.

Алекс и в следующий раз не взял с собой помощников.

В тот день он писал статью для одного англоязычного сайта про индрик-зверя, когда за окном появился бесенок и прокричал в форточку, что на окраине города появился проход. Нерукотворная щель или брешь. В него водяница Гуська Вторая чуть не упала, еле выкарабкалась.

Георг на неделю отправился в Тридесатое царство – ведовать на семейном капище. У Алекса появилась прекрасная возможность показать, как он справляется с обязанностями Явского посла.

Итак, проход.

Алекс задумался: «На дорогах сейчас пробки, он на автобусе три часа добираться будет. С одной стороны, он решил почаще ходить в три шага, с другой... Хм. Тогда и назад придется. Ну да ладно. Георг невероятно отважно шагает через Небытие».

И Алекс шагнул.

Первый шаг, и мир расплылся, второй – звуки резко оборвались, но он успел. Длинные белые пальцы запоздало сжали воздух там, где секунду назад была его шея. Алекс же очутился на шине от КамАЗа, застрявшей на мелководье посреди узкой речки.

Солнечный свет проникал сквозь кроны деревьев и расцвечивал жёлтыми пятнами быстрый поток.

На правом берегу, довольно крутом склоне, к воде спускалась семейка кленов. Левый берег пологий, зарос кустарником, за которым виднелись деревянные столбики, обтянутые металлической сеткой, – забор.

До левого берега с шины шага четыре, а на правый можно одним прыжком перебраться. Выше по течению возле громадной ивы светлел деревянный мост без перил.

Словно избегая моста, речка поднималась вертикально и бежала по правому крутому берегу. Бешеные огурцы безвольно качались на поверхности воды. Прозрачный поток тащил с собой землю и возвращался в русло коричневым. Много веточек и зеленых листиков застряло на мелководье перед шиной.

А на правом берегу толпились духи огородов и прибрежной растительности. На вид крепкие мужики и домовитые бабы, и несколько стариков. Одеты, не запомнить, и в глаза не бросается, что у всех до одного волосы зеленые стебли. Необычайно высокие девушки в белых развевающихся одеждах прилетели с полей, а несколько кудрявых мальчишек лет десяти по человеческим меркам, наверняка босые, за кустами не видно, должно быть, способствующие урожаю духи спор.

Балансируя на шине, Алекс поклонился:

– Приветствую хозяев местности.

– Здоровья, владыка границ, – духи поклонились в ответ.

– Вот пока тут стоим, Гуська Вторая нас не затопит, – поведала огородная баба.

– Тяжко мне крюк по верху делать, – поднимаясь из потока полупрозрачной девушкой, печально прожурчала водяница.

– Я вижу, – серьезно сказал Алекс.

Конечно, никакого разлома в земле не было. Но над влажным илистым руслом в воздухе темнел рваный провал. Ровно под мостом. Кто по нему пойдет, не заметит, через брешь перейдет. То же самое и вода в речке.

Врата, калиточки – переходы рукотворные, а бреши, провалы, трещины, щели, сказать бы, природные, но они и для природы противоестественны. В таких случаях Явские послы говорят: «Прохудилось Небытие». И ладно, если трещина ведет в степь Тривосьмого или в Подводное государство, а то эта в Глубинную Навь дальше Пекла. В нее даже речка свои воды направлять не хочет.

– Речка-речка, стань моим проводником, – вздохнул Алекс.

– Хорошо, – согласилась водяница и превратилась в поток.

Алекс присел на корточки, опустил руки в воду и почувствовал, как их кто-то аккуратно сжал: водяница взяла его за руки. Небольшой поток замешкался и длинными локонами водяницы побежал назад наворачивать круги вокруг провала.

Алекс завершил заговор. Они с водяницей расцепили руки. Слова Алекса скрепили материю пространства, будто она и не рвалась. Вода со склона обрушилась в русло, прихватив напоследок полоску земли. Передав волю Алекса, поток устремился назад.

Алекс поднялся с корточек, но тут же упал в середину шины: шина сошла с мели, и ее завертела бурлящая вода.

По приказу владыки можно переместиться, спрыгнув с бордюра или поднявшись на ступеньку. Подскоки шины на волнах тоже сойдут. Только Алекс это подумал, шину подбросило так, что он еле удержался, а шина бухнулась прямо на колтун из бешеных огурцов на правом берегу. Алекс приподнялся и упал назад. Не так далеко его и унесло, он по-прежнему видел мост без перил.

– Прошу прощения, – прожурчала водяница.

– Ничего, в такую жару приятно окунуться.

Алекс поднялся и на трясущихся ногах поклонился водянице и духам, стоявшим на том берегу. Духи поклонились в ответ и исчезли. Водяница скрылась в речке.

Что ж...

Алекс судорожно вздохнул: опять три шага.

Несмотря на преимущество в скорости, переход в три шага опасен. Потому что второй шаг приходится на Небытие. Прослойка между ветвями Великого Древа имеет разум, но не как у человека или там индрик-зверя, а как у хтонических сущностей или божеств.

Может, Небытие – ипостась какого-то бога?

И вот еще что странно, Георг сказал, что верит Алексу, но сам он не чувствует в Небытии присутствие колоссальных размеров сознания, которое люди ощущают рядом с божествами, баснословными зверями и хтоническими существами.

Как бы то ни было, Небытие нападает на проходящих через нее ведунов. Но таких ведунов немного. Явские послы прячутся, единицы имеют их разрешение преодолевать путь в три шага. «Терем» не может вычислить шагающих людей.

А опасность шага через Небытие, неужели это плата за преимущество, которое дают три шага?

Просто, если зайти в Небытие через врата или калиточку, никто не нападает и не крадется за тобой, чтобы столкнуть в топь. Прошлым летом Георга на втором шаге здорово царапнула по спине какая-то тварь. Жаль, не прицепилась к нему, иначе бы попала к лешему под раздачу. Алекс с Георгом тогда из дома в лес на горе шагнули. Алекс разрешил бы твари пройти. Сделал бы исключение.

Но без перехода в три шага Алексу с Георгом не успеть везде, где нужно.

Что, если во время инициации Явскому послу придется так ходить?

А Георг дошагался до того, что в прошлом месяце Небытие перестало его атаковать. Раз так, опасность второго шага – не разовая плата, а проверка. Алексу нужно чаще шагать через Небытие, тогда оно и его признает.

Алекс поджал губы, расправил плечи и двинулся к бешеным огурцам, но до них не добрался. Его, даром что с ног до головы мокрый, облепили прохлада и туман. Справа будто кто трёхногий хлюпал по размокшей грязи. Алекс шагнул еще раз, и очутился в своей комнате.

Алекс выдохнул: он дома.

Домовой за такие возвращения в квартиру в три шага ругал Алекса. Но домашний дух никогда не придирался, если Алекс переходил с Георгом или Финистой.

– Я бы в школу опоздал, – оправдался Алекс.

– Не опоздай, – погрозил домовый и исчез.

Это можно считать откровенным издевательством. Не будь бреши, Алекс вышел бы в школу десять минут назад. Он бросился в ванную.

Никаких трёх шагов или вихрей, в школу только на своих двоих. Он невед, невед, невед, ведать не желающий.

На школьном крыльце помешанная на поп-культуре Лемурии Динка осаждала своими музыкальными кумирами Наташку Тетереву. Алекс выдохнул, он успел.

Нужно после уроков пойти к Гоше в Библиотеку, может, будут еще дела.

Но следующее ведовское дело досталось Алексу через несколько дней.

В субботу, незадолго до полудня, Алекс подарил домовому шоколадные пряники и шагнул из прихожей. Второй шаг пришелся на топь, и после третьего над ним распростерлось прозрачное небо. Позади отгороженное лесополосами шоссе, справа и слева дрожали в жарком мареве поля. Впереди на плавно поднимающемся склоне зеленело поле, на его вершине, словно корона, темнела дубрава.

Встречал посла Яви дедушка росточком Алексу ниже пояса. Появился он в окружении духов спор – кудрявых мальчишек.

– Ссорятся наши, бока друг другу мнут, – объяснял полевик, пока они шли по утопанной дороге между нивами. – Территории-то трактористы перепахали, а мои соседи чёй-то вспомнили, как три столетия назад было. Тогда и оврага Пантелейкиного возле Пшеныча еще не было.

Они вышли на перекресток, где встречались три поля. Мальчишки-спорыши весело засмеялись и исчезли: разошлись по своим нивам.

– Я-то вон оттуда, – полевик указал на увенчанный дубравой склон. – А спорщики вот.

По меже, умудряясь не задевать рожь, каталось трое крепких ребят.

– Мой участок по шиповник!

– Нет, мой!

– Мой дуб, а ты на него заехал!

– Прекратите, – пристыдил их седой полевик. – Владыка границ здесь.

– Человек! – обрадовался один из драчунов и получил по уху.

Теперь вся троица вытаращила глаза на Алекса, а они у них, как у быка, и навывате. А еще у каждого на голове маленькие рожки. Эти полевики в пыльных комбинезонах, когда встали, оказались двухметровыми.

– Есть только один способ разрешить ваш спор, – заметил Алекс.

– И нам он не под силу, – агакнули ребята.

Алекс кивнул им, отошел в сторону и поклонился Матушке-Земле. Затем он достал лопатку, такими знахари откапывают коренья. Ею он вырезал из земли треугольник, осторожно взял его обеими руками и положил себе на голову.

– Земля-Матушка, не дай ошибиться, укажи границу, что ровно три столетия назад была.

Не успел Алекс договорить, его шатнуло в сторону, так что он вышел на межу, прошел по ней, и его занесло в рожь. Раздался радостный возглас: прибавилось к ниве. Но Алекс перешел на поле веселящегося полевика и обошел рябину. У него за спиной межа чудом через нее

перескочила. Стоило ему попросить Мать Сыру-Землю о помощи, как кто-то ласково обнял его за плечи и повел. Граница между полями двигалась вместе с Алексом, а полосы посевов плавно меняли положение на земле.

В небе за дележкой наблюдали воздушные бесы и черти. Солнце палит, а от землицы на голове прохлада. Дуб остался за тем полевиком, который на него претендовал.

Алекс снял с головы кусок земли и почтительно отнес его на место, откуда взял. Так положил, что и следа не осталось.

– Благодарю, Земля-Матушка.

Всё, устал...

Тяжело толику Земли-Матушки на себе нести. Вернее, пока несешь, легко. Стоит только положить землю, чувствуешь себя досуха выжатым. На грани сил человеческих такая ноша. Вот он и устал. Но для неисчислима, пусть даже полевого хозяина, дело и вовсе невозможное. Всё дело в нематериальной природе неисчислимов. Только смертное разумное существо, обладающее нитью судьбы, может стать проводником воли Мать Сырой-Земли.

– Благодарствуем, владыка.

– Хе-хе. Дубок-то мой.

– Владыка?

– Подождите, я сейчас...

Ноги гудели, и перед глазами плыли чёрные круги.

Алекс опустил на траву на краю лесополосы и отер лоб.

– Эй, рогатые! – позвал старший полевик.

К ним немедленно приблизилась компания чертей.

– Подвезите владыку.

Путешествовать можно в порывах ветра, которые создают неисчислимы или ведуны-погодники. Не путать такие вихри с тем, когда ветра носят неисчислимов.

«Хватит на сегодня трёх шагов. Ну, замерзну и замерзну. Не январские морозы всё-таки», – решил Алекс.

– Отвезите к парадному подъезду крайнего справа дома ЖСК «Облака»! – крикнул он и подумал: «У Гоши должны быть и другие дела для Явского посла, а для чертей квас».

Только он одно сказал, а второе подумал, и его подхватил теплый вихрь. Окаянные – это вам не горе-помощничек Льнов.

Глава 5. Тренировочный зал

Ветряных духов умирняем, что ли?

Далекие лесополосы и возвышающийся над ними склон казались синим миражом.

– До вечера дождь не начнется.

Алекс кивнул. Раз Георг так говорит – значит ведает.

Старший спрятал руки в карманы и сосредоточенно всматривался туда, где из-за почерневшей от непогоды лесополосы выплывали серые тучи. Ветер трепал его волосы, а высокий воротник серого плаща оставался непоколебим.

Алекса же разошедшийся ветер норовил впечатать в забор дендрария. Алекс терпел, стискивал зубы, отворачивался и морщился, пока, наконец, не спрятался за Георга.

После сильной жары резко похолодало. Теперь день и ночь на город обрушивались ливни. Георг успокоил, что они запланированы Грозовой канцелярией. А уж это Георг ведает наверняка.

Чтобы пойти с ним, Алекс вчера написал две статьи для сайтов, переделал все возможные уроки на пару дней вперед, а заданные сегодня строчил на переменах со скоростью беспомощника, пересчитывающего ёлочные иголки в тайге.

Закончив с прогнозом погоды, Георг повел Алекса по дороге между дендрарием и полем. Они обогнули громадную лужу и свернули на тропу, бегущую мимо лесополосы. Оставили позади метеостанцию: белая вертушка быстро крутилась на фоне свинцового неба. Теперь ветер дул им в спины. За невспаханым полем шумели машины. Впереди над полями светлели стеклами окон дома ЖСК «Облака». Алекс и Георг пересекли лесополосу, перешли по мостику и зашагали по утоптанной дорожке.

Справа от тропы за ивами глухо ворчала речка Гусёлка, слева ветер гнал серебристо-зеленые волны травы, и чернел огороженный хвойной лесополосой узкий прямоугольник вспаханной земли.

Алекс слушал бурчание речки. Он ожидал, что в полях будет через каждый шаг раскланиваться с полевиками и межевиками. Но, похоже, привычные выходить в полдень духи решили, что раз вслед за серым утром начался сплошной вечер, нечего и показываться. Алекс их понимал. День был сушие сумерки. Всю ночь и утро лил дождь. С нависавшей над тропинкой травы на ботинки лились струи воды.

Где-то недалеко живет тётя богатырь-девицы Дарья Сахаровой. Алекс у нее никогда не был. А Георг в ее доме на правах регента владыки границ давно открыл воротца. Через них верные Алексу и Георгу ведуны переправляли из Кромки нужные для ведовства вещи. Но, как водится, постоянно открытые воротца с обеих сторон притягивают к себе неисчислимов.

У Дарьиной тётки воротца находились в пристройке, буквально в доме. Потому от незваных гостей их стерёг домовой. А охранные барьеры, если что, сдерживали сильных существ из Кромки и Небытия, которые иногда ломались в Третье. Но неделю назад дух-хозяин дома исчез, и в дом с этой стороны полезла всякая слабая неисчислимость.

Сахаровскую тётку, как нарочно, «Терем» еще две недели назад командировал на окраину области, где она до конца месяца будет гонять облака.

Богатырь-девица Дарья приходила только покормить кота и не сразу заметила незваных гостей. Она сразу ринулась спасать дом, но добилась только того, что верные тётке бесы отказались выдворять очередных незваных гостей и спрятались на чердаке.

Последнее время никто воротцами не пользовался. А Дарья только вчера сообщила Георгу о пропаже духа – хозяина дома. Так что сегодня они отыщут домового.

Если бы домовый был ранен сильным незванным гостем, но Дарья не чувствовала угрозы. А бесы безбоязненно лезли во все щели. Не похоже, что в доме засел враг неисчислимов и людей.

Вот только кто будет на равных с домовым в его доме? И даже сможет его устранить?

Домовые, как и другие духи-хранители территорий, невероятно сильны на своем месте. А у домового – это не то что у полевика – духа-хранителя поля, место в кругу человеческой семьи под одной крышей. И если люди переезжают в другой дом, они берут с собой домового.

А что, если из-за тучи налетевших бесов это существо незаметно? Что, если в дом пробрался заброжий, то есть прибрешший чужой домовый, которому не за кем было идти под другую крышу? Домовые подрались, заброжий или ранил, или победил хозяина. Заброжий – это же почти что брошенный семьей домовый – некошной...

Алекс нервно сглотнул.

– Здесь нет некошного. Если в дом проникло нечто из царств и усыпило домового, то оно наверняка из Нижнего мира.

Георг слишком хорошо его знает.

Алекс сжал кулаки, буркнув:

– Я всё сделаю.

На повороте речки, там, где она разливалась и мелела, за липами спрятался дом тёти Даши Сахаровой. Старый двухэтажный дом с темным пятиугольным окошком чердака и рыжей проржавелой крышей. В окно верхнего этажа заглядывала хлипкая сосенка. Подъезд сторожили два наполненных дождевой водой вазона. Возле покрытой мхом стены в луже мокнул засохший чертополох. Пахло влажной землей и пионами.

– Это жилой дом, – напомнил Георг.

– Угу.

Алекс посмотрел на речку.

Из прозрачной воды торчали камешки. Чуть подальше, где речка снова становилась глубже и уже, выгнулся дощатый мостик без перил. Ближе к воде...

Может, бес какой приплыл?

Алекс хотел поделиться идеей с Георгом, но в этот момент из дома вышла Дарья Сахарова.

Ее длинные каштановые волосы развевались на ветру. В руке богатырь-девица держала резную шкатулку-ловушку. Ведуны в таких удерживают неисчислимов. Заговоры на боках и крышке не дают бесу-пленнику сбежать.

Алексу вспомнилась подземная горница в Васильках. Там на стенах были вырезаны такие же связывающие символы. Та горница – один громадный ларь для удержания неисчислима.

Он потрясенно подумал: «Тот, кто перевел символы с ларей-ловушек для неисчислимов на стены горницы, зачем он замуровал неупокоенный дух в Яви?»

– Это для злыдней, – заметив, как вытаращился Алекс, разъяснила Дарья и помахала шкатулкой. – В полнолуние всех изгоню. Надоело со всей этой мелкотой возиться. Везде засели. Домовой не объявлялся. Понятия не имею, что его сморило. Да не разувайтесь, а то репейники под ноги бросаются. Я потом полы помою.

Алекс переступил порог и в заваленной лыжами прихожей почувствовал, что дубеет от холода. Но ведь его куртку ветер-ветрище не пробрал, чуть с ног не сбил, но не продул!

– Тут холодно, – возмутился он.

– Мне нормально, – отозвалась Дарья, высматривая по углам злыдней.

Алекс передернул плечами. А закаленная Дарья стояла себе в футболке с коротким рукавом. От одного взгляда на девушку он покрылся гусиной кожей.

Георг сунул руки в карманы.

– У тебя работает кондиционер? – нахмурился он.

– Нет.

Дарья вглядывалась в комнату.

– Твоя тётя всё еще набивает снегом ледник на лето?

– В этот раз даже из леса десять ведер принесла, – подтвердила Даша и подняла веник на манер меча.

Алекс с Георгом переглянулись. Кто-то замораживает дом.

– И где этот снег? – спросил Алекс.

– В леднике, – пожала плечами толстокожая богатырь-девица и, крадучись, двинулась по коридору в комнату.

Чувствуя себя полным болваном, Алекс собирался крикнуть «А ледник где?». Но Георг хлопнул его по плечу и позвал:

– Идем.

Проходя мимо комнаты, Алекс видел у ног Дарьи синие отблески. Веник неумолимо вывел сияющих бесов из-под стола.

Бедолаги. Зря они в дом забрались. Сейчас Дарья на них душу отведет.

На нижней ступеньке лестницы вылизывался серый косматый котяра. Он так и вытаращился на Алекса с вытянутой вверх задней лапой.

– Филимон, – представил кота Георг.

Шерсть у кота серая с проседью. А глазищи светло-зеленые. Выскочит такой из-за угла, за домового примешь.

– Привет.

Алекс протянул руку. Филимон понюхал протянутую ладонь и потянулся. Алекс погладил его по голове, догадался, что кот охраняет от бесов лестницу.

Коты – сильные противники для многих неисчислимов. Видят их и когтями дерут. А Филя, по глазам видно, явно ветеран в борьбе с мелкими бесами.

Под лестницей оказался небольшой коридорчик, который оканчивался толстой, потемневшей от времени дверью. Здесь же в темном углу обнаружились злыдни – мелкие, тощие духи, они пакостят и разоряют хозяйство, но заморозить дом и устранить домового им не под силу.

«Они ждут, когда кот покинет свой пост, чтобы пробраться наверх. Первый этаж на Дарье, верхний на коте», – понял Алекс, а вслух приказал:

– Пошли прочь!

Тихо заливаясь слезами, злыдни отправились искать другой темный угол.

Филя спрыгнул с лестницы и погнался за несчастливыми бесами. Отчаянный вой злыдней смешался с воинственным рёвом Филимона.

– Ну, я вас!

На вопли с веником наперевес летела Дарья.

Щелкнул выключатель. Это Георг, если ничего не случилось с лампочкой, включил в подвале свет.

Алекс прошептал пару охранных заговоров и толкнул дверь, но та не поддавалась. Георг протянул руку над плечом Алекса, коснулся ладонью двери.

– Не зачарована, чем-то придавлена, – Георг отошел от двери и позвал: – Даш!

«Мы что, без богатырей заклинившую дверь не откроем?» – возмутился про себя Алекс, подергал ручку, ничего не изменилось, тогда собрался с силами и врезался в дверь плечом. Раздался треск, дрогнула дверь. Алекс чуть не упал на Георга.

Дарья не пришла. Не услышала.

– Давай-ка, я, – Георг попробовал подойти, но Алекс не отодвинулся.

– Я сейчас!

И снова врезался в дверь и зашипел. Кажется, он вывихнул плечо.

Георг похлопал его по спине.

– Давай вместе.

– А какая ведунья Дарьина тётя? – пропыхтел Алекс, когда они с Георгом навалились на дверь.

– Своеобразный облакопогонник. Любит призывать снежные вихри.

Алекс вчера, когда услышал об облаках, почему-то решил, что здухачка.

Облакопогонники – ведуны, следящие за погодой. Они пригоняют тучи для грозы, если Грозовая канцелярия их недостаточно выписала. Или разгоняют проливной дождь, в котором дождевые духи разыгрались и забыли, что пора и честь знать. Но менять погоду на противоположную не могут. Хотя их навыки весьма полезны в быту.

Льнов, например, во время пеших походов поднимает ветер, который обдувает лучше вентилятора. А Сахаровская тётка, оказывается, зимой собирает снег и в бесснежные месяцы тренируется повелевать им в леднике. Похоже, в июльскую жару в этом доме прохладно.

Наконец, дверь, постоянно застревающая, отворилась. Алекс закрыл нос рукавом и отшатнулся. Из подвала дхнуло такой стужей, что стало больно дышать.

– Ничего себе ледник, – просипел он. – Солнечных зайцев бы сюда.

– Это не ледник, – устало поправил Георг.

– Да?

Алекс уставился через дверной проём. Низкий потолок, справа проход без двери в другое помещение, а слева узкое окно под потолком. И сейчас стены, пол и потолок покрывал толстый слой матового льда. Свет странно преломлялся через прозрачное стекло замерзшей воды. Лампочка во льду, как в своеобразном светильнике. Дверь не открывалась, потому что тоже заросла тонкими узорами.

Не меньше десяти громадных сосулек, каждая толщиной с человека, свисало с потолка и едва касалось пола.

Алекс не представлял, кого Сахаровская тётка могла привести из леса. Будь ее гостем снеговой, в доме сыпал бы снег. Но здесь лёд, а в прихожей морозилка.

Трескун? Из свиты Мороза дух зимы, кладущий наст, сыплющий иней, лёд с сосульками кующий?

Не может здесь быть трескуна. Большинство их отправилось в царство холода, меньшинство оборотилось облачными духами.

– Трескун, – констатировал Георг.

– Но как? – удивился Алекс.

– Потенциальный дух дождя. Удерживает сущность рядом с прошлогодним снегом. Хм, сегодня подходящая погода для рождения дождевого духа.

Алекс задумался: «Погодный дух, остановивший свое развитие. Такое возможно?»

Вдруг Алекс склонил голову. В стороне от сосулек из-под пола поднималось ледяное дерево. Его закрученные ветви выглядели чересчур реалистично и жутко. Они врезались в память, добавившись в копилку иррациональных страхов. Он глубоко вдохнул.

Будь это дерево из Ледяного края, то как оно попало сюда?

Похоже, им какой-то дух или бес притворяется. Нужно прекратить это.

Алекс решительно перешагнул порог, поскользнулся и врезался в сосульку. Громадина сломалась. В следующий миг Алекс оказался за спиной Георга.

Снежное дерево взорвалось белым фонтаном, когда в него врезался огонек и полетел дальше. На ледяных стенах отразилось алое пламя. И пяти секунд не прошло, всё заволокло паром. Георг исчез в белой мгле. От треска и шипения у Алекса заложило уши. Воздух стал липким, влажным, мерзким.

Наконец, треск и шипение стихли. По всему подвалу раздавалась унылая капель.

Пар быстро оседал. Алекс увидел, как из белёсой мглы проступила собственная рука, которой он вцепился в антрацитовую ткань плаща Георга. Наконец, выступила узкая фигура Георга.

За полминуты от ледяной избы не осталось и ледышки. Вода обрушивалась в ледник и всё равно стояла выше щиколотки.

Алекс выдохнул. Если бы не Георг, быть бы ему придавленным ледяной глыбой. Хорошо, что у старшего брата по рукавам огни с молниями рассованы.

У Георга блестели от влаги волосы. Алекс чувствовал, что ему самому за шиворот тонкой струйкой стекает холодная вода. Ему было противно от холода и влаги и ужасно стыдно.

Кто просил его выскакать вперед?

Теперь они с Георгом, словно в ледяной туман попали. В быструю капель вмешивались всплески. В громадной луже барахталась растрепанная девчонка в драненьком белом платьице – бывшая трескуница. Вода ластилась к ней, подхватывала под полупрозрачные ручки, но трескуница отчаянно отбивалась от льнушей к ней стихии.

– Поднимись! – приказал Георг.

Вода тут же успокоилась. Девочка выползла из лужи. Тоненькая, бесцветная – вот-вот исчезнет. Бывшая трескуница всхлипнула, вытерла просвечивающую щёчку и умоляюще посмотрела на ведунов.

– В-ладыки, я... я ведь всё правильно сделала? – ее голосок, больше не трескучий, как морозный воздух, звучал звонко, как весенний ручеек.

Месяц май. Поздновато для ручейков из талой воды.

– А что ты здесь делала? – спросил Алекс и, наконец, отпустил плащ Георга.

– Тре-тренажёр. Я его каждый четверг для тётеньки устраиваю. Она морозить тренируется.

Алекс всё понял. Однажды Сахаровская тётка принесла из леса не просто ком снега, а трескуницу-морозницу. Большинство таких существ уходит в последнюю зимнюю ночь в царство вечных морозов. Но те, что остаются, становятся дождевыми или облачными духами. А трескуница, которой, как только растает снег, суждено переродиться в облачную деву, со снежной заначкой в леднике оставалась зимним духом и морозила тренировочную полосу для Сахаровской тётки. Только вот тётя вторую неделю в командировке. Трескуница морозила-морозила, так и заморозила дом, а духа-хозяина званая гостья нечаянно зачаровала.

Закалённая богатырь-девица не заметила, что дом превращается в морозильник. Даром что на улице похолодало, у Даши сейчас все окна нараспашку. А домовой не гнал трескуницу, потому что она – гостья, и сам не заметил, как его сморило.

Облачная дева... вот странная!

Девочка всё никак не могла свыкнуться с тем, что теперь повелевает водой и, как цапля, поднимала то одну босую ножку, то другую, а вода упорно пыталась лизнуть ей пятки.

– Это твой снег и лёд. Они растаяли и стали водой, – разъяснил Алекс, глядя на неисчислимое недоразумение.

– Рас-тая-ли?

– Спросишь в Грозовой канцелярии. Но сначала ответь на вопрос: когда ты здесь очутилась, ты видела хозяина дома?

– Нет.

– Иди поклонись грозовикам. Сейчас как раз непогода. После этого, если захочешь, можешь вернуться сюда к тётеньке, поняла? – молвил Георг.

Девочка поклонилась в пол и испарилась. Вот так сразу в пар. А от воды ноги задирали.

Георг открыл узкое окошко под потолком:

– Вылетай.

Облачко пара упорхнуло наружу.

Георг снял плащ и стряхнул его, подняв тучу брызг.

– Пошли, скажем Даше, что домовый скоро проснется.

Георг с Алексом сообщили богатырь-девице про трескуницу и затопленный подвал.

Дарья отвела их в маленькую, уютную тюлями, как плющом, очень теплую гостиную, закрыла окна, дала полотенца, вручила чашки с горячим чаем и, пока Георг сушил Алексу волосы феном, поведала про некий силуэт, маячащий в конце коридора:

– Пытаешься приблизиться – исчезает. Тётя сказала о нём еще две с половиной недели назад. Блазня, наверное. Я наконец-то заметила ее краем глаза, но у меня уже в глазах двоится от этой мелкоты.

Она замахнулась кулаком на сжавшихся в углу водных анчуток. А те, даже под угрозой получить богатырским кулаком, не перестали жевать. С речки пришли.

Алекс нетерпеливо вздохнул и приказал им проваливать. Беспятые и свалили в соседнюю комнату.

А Дарья сложила ладони в умоляющем жесте и попросила:

– Пожалуйста, раз вы здесь, словите блазню. Сил моих больше нет! А я пока водных товарищей восвояси выдворю. Весь линолеум обгрызли, козлы водные.

Блазить – значит мерещиться, наводить морок. Блазят многие бесы, но блазня или блазень специализируется только на видениях.

Из-за засилья мелких бесов дом наполнился шепотками, скрипами и тенями. Обереги на окнах и дверях мгновенно приходили в негодность. Алекс шел за Георгом по коридору, остановился у окна, черкнул угольным карандашом бережную змейку, а она осыпалась. Слишком много неисчислимов. Да еще ворота открытые рядом. Тут уже нужны могучие обереги. Но теперь сначала нужно всех незваных гостей выгнать.

Снаружи резкие порывы ветра рвали вишневый цвет. Деревца чудом не ломались. Алекс засмотрелся в окно: «Да что сегодня с ветром такое? Ввалю Льнову, почему не следит?»

Краем глаза Алекс уловил движение, резко обернулся и увидел, как темный силуэт поделовому зашел за угол.

«Сдается мне, это не дух кондиционера», – Алекс повернулся сказать это Георгу, но брат ушел.

Алекс опешил. Пока он смотрел на вишни, удаляющихся шагов не услышал. Ветер так и выл за окном, да плакали очередные неисчислимы, получившие от Дарьи веником.

Догонять тень не имело смысла. Дарья же сказала, что она исчезает. Зато можно догнать Георга, но после трескуницы Алекс чувствовал неприятный осадок. Его чуть не убило льдом. Из-за него они с Георгом вымокли.

Опять он старшему за спину спрятался!

«Он так меня никогда за равного не признает. Раз Георг пошел в заднюю часть дома, проверю чердак», – решил Алекс.

Филимон сидел у подножия лестницы.

– Пропустишь?

Кот великодушно махнул хвостом на ступеньки.

Люк на чердак оказался запертым. Алекс стоял в конце короткой и узкой комнаты перед чугунными перекладами и смотрел на обитый жёлтым линолеумом люк на потолке, к которому эти переклады ввели.

Точно, там же бесы забаррикадировались. Но тогда и блазня на чердак не проберется.

Куда теперь?

Раздался громкий скрип. Алекс подпрыгнул и тут же презрительно фыркнул. Скрипела оклеенная жёлто-песочными обоями дверь: стеной шкаф или кладовая. Отличное место для блазни. Алекс сунулся в кладовку.

Что?! Квартира? Разве это не частный дом?

Алекс переступил порог и остановился в прихожей. Отсюда было видно часть кухни: раковину, полки с тарелками, табурет с подушечкой и светящееся белёсым сумраком окно. Алекс различил на обоях малюсенькие нарциссы и веточки сирени.

Если раньше этот дом делился на квартиры, у каждой семьи был свой домовой. Потом домовые ушли со своими людскими семьями в новые дома.

Что, если одного домового забыли?

Брошенный домовой обиделся, обозлился, возненавидел и стал некошным. Вот тебе и блазня. Здесь либо заброжий, либо некошной, которого победил домовой Сахаровых, пока не погрузился в спячку.

Алекс шагнул назад, но не успел он пересечь порог, как засвистел чайник.

От неожиданности Алекс подпрыгнул. Дверь захлопнулась, чуть по лицу не ударила. Алекс вовремя отшатнулся и отскочил. У него над головой просвистел табурет, врезался в дверь и упал, ударив Алекса по руке.

Морщась от боли, Алекс попытался выйти, толкнул дверь, она оказалась заперта.

Из кухни в него полетели чашки и тарелки. Он схватил чудом уцелевший табурет и выставил его как щит.

«Он что, на чай меня приглашает? Не иначе», – невольно подумал Алекс и затараторил заговор изгнания, который утихомирит некошного.

Он потом разберется, почему здесь пространство какое-то закручивающееся, а пока он защитился табуретом от маслёнки. Увесистые осколки с глухим стуком упали на пол.

Тяжеленная!

Получить такой по голове – мало не покажется. Хорошо хоть развенчанный из хозяев дух не может прикоснуться к ножам и вилкам.

Алекс, едва сдерживаясь, чтобы не заорать, положил в угол прихожей краюшку хлеба на платке.

Угомонись!

– Угостись, хозяин дома.

Неисчислимый возьмет хлеб из уважения, памятуя о муках хлеба. Невоспитанный шиш не в счёт. Тем более девчонки сами побросали хлеб на пол.

Но дух ответил еще одной табуреткой. Алекс отразил ее, как и маслёнку, и присел с дикой болью в руках. Его «щит» стал кучей деревяшек, как и последняя прилетевшая табуретка.

Что ж ты какой несговорчивый?

Ему в голову полетел кусок плитуса. Алекс отскочил, бросил взгляд в угол и вытаращил глаза: смутьян забрал хлеб, а плитусами кидается!

Тараторя третий по счёту заговор изгнания заброжего домового, Алекс высыпал на пол семечки. И оторопело уставился на них. В этом пакетике должна быть соль! Он не мог перепутать! Не успел Алекс крикнуть «Сосчитай», семечки исчезли.

Алекс еле увернулся от просвистевшей мимо раковины. За его спиной дверь с тихим скрипом приоткрылась. Что-то легкое и неострое врезалось Алексу в лоб. Он схватил предмет и сунул его в карман, выскочил в коридор, но споткнулся об унитаз и чуть не кувыркнулся в ванну. С полки посыпались бутылки с шампунями и тюбики. Дверь ванной комнаты захлопнулась. Снаружи оглушительно грохнуло. Наверное, некошной запустил кухонный шкаф.

Вот что не так с пространством: блазит.

В углу стоял веник. Алекс его схватил и, шепча заговор выдворения, начал мести к порогу.

Шир-шир, шкряб-шкряб.

Прежде чем Алекс понял, что звуки эти идут из-под веника, он услышал шаги. Некто, тяжело дыша, остановился у него за спиной. Алекс покрылся холодным потом.

«Не ведись», – приказал он себе.

Блазит не заброжай, а некошной. Уморил других домовых и блазит. Ведь если теряются вещи и преследует навязчивый образ, в доме завелась блазня. А если возник некошной: шумы, крики, разбиваются вещи, и блазит.

Странно, Дарья не могла перепутать блазню с некошным.

Алекс развернулся и обрушил на некошного веник.

– Выметайся!

Морок развеялся. Алекс очутился в продолговатой небольшой кладовке. Под потолком покачивалась жёлтая лампочка. Полки заставлены пыльным хламом. А стоял Алекс на выцветшем потертом портфеле и сжимал в руке лопату.

Он выдохнул. Так это он кафель лопатой «подметал». А некошного, значит, железом жажнул!

Послышался шорох. Алекс, чьи нервы и так были натянуты до предела, шарахнулся в сторону и задел плечом выключатель. Свет погас.

Алекс выронил лопату и отчаянно шарил по стене в поисках выключателя, как вдруг его ноги что-то коснулось. Алекс метнулся, споткнулся и шлепнулся. Его взгляд встретился с двумя парами светящихся глаз: кошачьими бледно-зелеными и красными с горизонтальными зрачками, как у козы.

Глаза мигнули и исчезли. В кромешной тьме запыхтели, завздохали, вдруг с глухим стуком попадали с полок предметы, засвистел рассекаемый воздух.

Алекс моргнул. Теперь вместо красных, козьих, на него смотрели сияющие зеленые человечесьи глаза. Само существо, громадное, как медведь, чернело в темноте. Из звуков осталось только тяжёлое дыхание самого Алекса.

Домовых духов принято изображать светленькими, голубоглазыми. А на поверку они поголовно бурые, всклокоченные, лохматые. И глаза у них то звериные, то человечесьи. А у этого шерсть стояла колючками. Существо вздохнуло и исчезло.

До Алекса, наконец, дошло: домовой!

Домовой проснулся и задал трепку некошному!

Значит, хлеб и семечки забрал он и, скорее всего, застрял в пространстве неисчислимов, конкретнее, в тенях дома. Воротца рядом путают.

Тьфу ты! Как его вытащить?

Нужно позвать Георга. Но ведь и домовой может подсказать, как ему помочь.

– Дай подсказку.

Дверь распахнулась. Тусклый свет осветил заваленные вещами полки. Алекс выкатился на четвереньках.

– Хорошо сработал. Я тебя с первого этажа услышал, – похвалил Георг.

Дарья кивнула Алексу и скрылась в кладовке.

– Это некошной! Домовой его побил. Я хлеб дал. Только он застрял в тенях! Его нужно вытащить!

– Некошной? Тебе наблазило. А про домового давай поподробнее.

Дарья вылетела из кладовки, бросила на ходу:

– Блазня бита. Спасибо.

И умчалась вниз.

Алекс уставился на дырку в выцветших обоях.

Не некошной? Он же изобразил брошенное жилище.

Стоп! Так это всё-таки была блазня? Кошмар.

Алекс опустил голову. То-то заговоры, прогоняющие некошных, не сработали.

– Это не так носится.

Георг присел на корточки и с улыбкой поправил на манер шляпы жестяную миску на голове Алекса, сфотографировал его и показал снимок.

– Финисте пошлю.

– Не надо!

Алекс снял с головы миску.

– Почему? Ей понравится.

– Нет!

Из кладовки вышел Филимон. Так вот чьи зеленые глаза были рядом с красными глазами домового!

– Ну чего ты? Она там без нас в Тридесятном, – произнося это, Георг отцепил обернувшуюся вокруг ноги Алекса новогоднюю гирлянду.

Алекс и не заметил, что за ним по полу волочатся фонарики. А Георг забрал у него из рук миску и совок для кошачьего туалета и скрылся в кладовке.

Младший братец вскочил на ноги.

– Блин! Ну не посылай сестре!

– Ладно-ладно.

Георг вышел из кладовки. Под мышкой он держал потертый портфель.

– Мы всё еще должны помочь домовому. Что тебе наблазило?

На улице грохнуло. Дарья воевала с бесами.

Алекс тяжело вздохнул. Его обманула блазня: какой стыд!

Он полез в карман, выудил из него пакетик с солью и потертый спичечный коробок. Безразлично посмотрел на него, и тут его озарило.

– Георг! Некош... Бес бросил в меня спичечный коробок, и он не исчез. Или меня до сих пор блазнит, – добавил он сконфуженно.

Георг некоторое время разглядывал коробок, после чего позвал:

– Пошли.

И направился к лестнице.

– Ты же не послал Нисте фотку?

– Да что ты в самом деле? Твой протест мне непонятен. Сестра любит тебя наряжать.

– Она перестала меня наряжать, когда мне стукнуло двенадцать! Чего смешного?

– Она до сих пор меня обрядовой одеждой снабжает. И тебя.

Они спустились по лестнице.

– Ну, не скидывай сестре!

– Хорошо, не скину, удалил...

Они вошли на кухню.

– Похоже?

Алекс замер на пороге. Нарциссы и сирень на обоях. И точно такие же раковина и табурет, как те, что в него летели.

– Один в один, – сглотнул он.

– Значит, говоришь, запустил из угла прихожей спичечным коробком в лоб?

– Угу.

Георг положил портфель на пол и открыл коробок. Алекс думал, что его будет крайне сложно открыть. Георг проигнорировал плиту с электроподжигом и открыл маленькую дверцу в стене. За ней оказалась печурка. Ею дом отапливался. Сейчас в ней лежали кусочки газет.

Георг попробовал зажечь их спичкой и тут же потратил вторую.

Раздавалось громкое, словно усиленное динамиками, шарканье.

Филимон заметался по кухне.

– Ему нужен маяк. Огни, – пояснил Георг недоумевающему Алексу.

Третья спичка, четвертая...

Филимон застыл перед кухонным шкафом, задрал хвост трубой.

Георг истратил последнюю спичку, спичечный коробок на его ладони исчез, а газеты вспыхнули синим пламенем. Внизу кухонного шкафа что-то стукнуло. Шкаф покачнулся.

Алекс открыл нижнюю створку, шарахнулся и налетел на табурет. Прежде чем раздался грохот упавшего табурета, Георг загородил Алекса от возможной опасности.

В шкафу ворочалось косматое пепельно-серое существо – домовый.

Филимон деловито замаякал: рассказывал хозяину о случившемся.

Алекс потер лоб. Сначала он не признал блазню, а теперь испугался домового и столько шума наделал. Сейчас Дарья спасать примчится.

Только домовый был явно не в себе: глаза с красных на зеленые, как испорченный светофор, меняются.

– Это я его так лопатой? – в ужасе просипел Алекс.

– Нет. Неисчислимое существо и не лопатой.

Домовой поглядел красными козьими глазами на Георга, на рассеявшегося на полу Алекса, и прохрипел:

– Из прохода. Они ушли.

И исчез.

Филимон запрыгнул в шкаф и улегся.

Алекс трясущимися руками поднял табурет и сел на него. Ноги не держали. К горлу подступила тошнота.

Георг взял с подоконника журнал «Оружие Железного царства» и стал обмахивать им Алекса.

Из прохода, значит, и в проход ушли. Дело принимало серьезный оборот.

Трескуница погрузила в сон ослабевшего домового. Из царств мог пожаловать кто угодно. Обычно нежелательными гостями оказывались чудесные дикие или баснословные звери. Но иногда в Третье царство с просьбами о помощи «стучались» жители царств или приходили в гости деловые друзья и боевые товарищи. А раз в воротца никто не вошел, и сработали защитные заговоры, здесь пыталось пройти могущественное существо.

Высокий гость решил войти через грузовые воротца, но у него не получилось. А домового холод трескуницы сморил, и он Дарье не сообщил.

А гость что? Ушел или отправился Небытие?

Стыда не оберешься. Если только это не беглый из Нижнего мира.

– Застрянь здесь важный гость, мне бы сообщили, – заметил Георг.

Алекс по привычке попытался сглотнуть ком в горле.

Беглый из Нижнего мира?

Чур-р-р, огради!

Глава 6. Неожиданные гости

Коридор пронизывал ледяной ветер. На тумбочке в прихожей друг на дружке громоздились шкатулки-ловушки. Из них доносился приглушенный плач злыдней.

Дарья выметала в распахнутую входную дверь шишигу. Речная хулиганка не обращала внимания на предупреждения злосчастных и корчила рожицы. То еще зрелище: лицо у шишиги круглое, цвета речного песка; нос длинный, словно щепка; ручки-ножки тонюсенькие, сучковатые; а брюшко свисает до земли.

Пакостница цеплялась за половицы длинными тонкими пальцами, делала тонюсенькой ножкой шажок, но тут же отскакивала назад, спасаясь от веника.

Георг с Алексом подождали, когда Дарья выметет вздорное существо за порог. Наконец, шишига потрясла шишковатым кулачком и шмыгнула в речку.

Дарья победно подняла веник к небу.

Только тогда Георг позвал:

– Даш, нужно встретить незваных гостей.

Дарья обернулась.

– В Сенях?

За ее спиной шишига выглянула из-под ивовой ветки. В крючковатых пальцах пакостница держала корчившуюся лягушку, хотела запустить ею в Дарью, но заметила, что Алекс на нее смотрит, и скрылась под водой вместе с квакушкой.

– На пороге.

Дарья прищурилась.

– А в портфеле кто?

– Бесы-дезертиры. Алекс для блазни семечки рассыпал. Они с чердака в кладовку переместились, очертились в портфеле и щёлкают.

«Ага, а домовый забрал хлеб, который я лже-некошному положил», – понял Алекс.

– Вот ленивые, – вздохнула Дарья, забирая у Георга портфель.

Она положила его на шкатулки со злыднями, отстранила Георга и прошла внутрь дома.

«Скорее, напуганные, – подумал Алекс, шагая за старшим братом. – Надеются, что семечки укрепят их силы».

К ним вышел Филимон.

– Проверь барьеры, – бросила ему Дарья, и кот ушел.

Алекс на этот раз в сторону окна с вишнями даже не покосился. Коридор поворачивал и упирался в стену. Слева в стене находилась массивная деревянная дверь, испещрённая обережными и скрывающими знаками. Такие же символы были вырезаны на дверном косяке.

Дарья сжала в одной руке веник, в другую призвала булаву. Оружие богатырей появляется по зову хозяина даже в обёрнутом Кромкой Третьем царстве.

Георг поклонился:

– Нам войти.

Дверь отворилась.

Дарья прыгнула внутрь. Георг скользнул следом. Алекс устремился за ними и провалился. Правая нога отозвалась болью. Алекс зашипел и запрыгал на одной ноге.

Оказалось, здесь нет фундамента, и голая земля на полтора метра ниже полов в доме. Зато вырезанные на стенах на уровне плеч обереги не уступали охранным символам, начертанным на здании «Терема». А эти закрыты вообще изобретения Георга. Круг алого пламени высотой по плечо Георгу опоясывал колодец. От сваленных в углу мешков расходился резкий запах полыни. Ее явно собирали за Кромкой, где полынь в апреле буйным цветом цветет.

Алекс вспомнил, когда богатырь-девчонке Дарье было шесть лет, засохший колодец облюбовала под гнездо жар-птица, о чём Дарья радостно поведала бабушке и тётке, на тот момент подростку. Тогда дяди Георга и Алекса вместе с дедушкой Сахаровым полдня гонялись по полям за чудесной беглянкой, чтобы отправить ее назад за Кромку. Именно этот засохший колодец, в котором некогда угнездилась жар-птица, в первый год регентства Георг превратил в воротца.

Спустя много лет после жар-птицы, когда Алекс начал ведать, Георг провел обряд регентства, невероятно сложный для взрослого волхва, не то что для двенадцатилетнего мальчишки. С тех пор Георг исполнял обязанности Алекса, как Явского посла. Он и теперь помогает, хоть накануне и снял с себя регентство. Вот и сейчас Георг водил ладонями по стене: проверял, нет ли повреждений в обережных знаках.

Дарья обошла пристройку по часовой стрелке и теперь крутилась возле колодца на случай, если из него выскочит незванный гость.

Сотворить просьбу к заговорам, чтобы они отозвались, отнимало много сил. А водить ладонями по знакам, хоть и занимало много времени, но почти не тратило ведовские силы. К тому же просьба активизирует заговоры, а они здесь охранные. Если их гость – баснословный зверь из Закромских территорий, он почует опасность и, скорее всего, впадет в панику или пойдет в атаку.

Алекс проверил дверной косяк и пошел навстречу Георгу. Он сосредоточенно водил пальцами по оберегам и закрытиям. Символы отзывались теплом или холодом.

Повреждённый оберег означал бы, что из Кромки, словно через щель в заборе, пролез кто-то не шибко сильный, но и не слабак. Прорвись кто могущественный и смертоносный, охранные заговоры были бы переломаны.

Тень, бродящая по дому, – домовой, блазня. А может, гость пробрался в тени дома?

Если заговоры на стенах окажутся в порядке, кто-то застрял в Небытии. Раз Георг ничего не знает про высоких гостей, это беглец из Нижнего мира. Но может и так быть, что незванный гость отправился из-за Кромки в Третье царство за помощью и заплутал.

И еще, услышав от домового «из прохода», Алекс запаниковал, а теперь вспомнил, что оповещения о гостях из врат со всей области приходят ему на строку в ящик электронной почты «Перья». Со строки оповещение пересылается ему на майфон.

«Если кто-то и правда застрял в Небытии, а он о том не ведает, тогда какой от него вообще прок? Ох, если бы обереги были повреждены», – Алекс ненавидел себя за эту мысль и всё равно продолжал за нее цепляться.

«Повреждены? Серьёзно? – говорил он сам себе. – Замечательно. Вот это позиция. Великолепный владыка на страже границ и переходов!»

Ну и в жалком же он положении, раз радеет за сломанный оберег.

Дарья спрятала булаву и теперь поигрывала веником, как мечом.

Пришел Филимон и безмятежно потерялся о дверной косяк. Значит, охранный круг вокруг дома в порядке.

Георг проверил две с половиной стены и сошелся с Алексом на углу третьей. Алекс быстро осматривал и прощупывал символы, но долго копошился с дверью. На ней самые сложные обереги. В итоге все до одного символы оказались в порядке. Алекс с Георгом обречённо вздохнули.

Филя перестал лизать лапу. Дарья подбросила и поймала веник.

– Идем в Небытие. Я первый.

Георг опёрся рукой на край колодца. Алекс не спорил. Филя фыркнул и продолжил вылизываться.

– Лицом к двери трещина слева.

Алекс кивнул.

Щели и трещины делают во вратах нарочно, и они ведут в Небытие.

Георг легко кувыркнулся в проход.

Алекс посмотрел на Дарью. Богатыри и богатырь-девицы всегда идут вперед. Даже если их ведет Георг. Или это тот случай, когда девушки и коты прикрывают тылы, а послы Прави и Яви бросаются на амбразуру? Вот бы в этот раз Явские вместе с послами Прави!

Дарья улыбнулась и хлопнула Алекса по плечу: иди, мол.

Алекс немедленно почувствовал себя маленьким ребенком, который хотел прокатиться на карусели, но когда подошла его очередь, испугался и попятился, а старшая сестра одарила его снисходительной улыбкой и подтолкнула.

«Я тебе не детский сад! Могла бы просто сказать», – возмутился про себя Алекс и запрыгнул на край колодца.

На дне сверкало звёздное небо.

Было время, когда до Кромки путешественники врат летели двенадцать дней и двенадцать ночей, затем добирались за шесть суток, потом трагично три дня и три ночи, три часа и, наконец, три минуты. С утончением Небытия сокращалось и время перехода.

Сидя на корточках, Алекс прижал ладонь к теплой стенке колодца и ухнул вниз. Пальцы обожгло болью.

«Надо было перчатки...» – пронеслось у него в голове.

Рука провалилась в широкую трещину. Алекс кувыркнулся в воздухе и выпрыгнул.

Он снова очутился в пристройке с воротцами. Только огненный круг здесь не красный, а синий.

Георг стоял к колодцу спиной, и прозрачные язычки пламени лизали его рукава.

На стенах темнели невероятно мощные охранные символы, каких не было со стороны Яви. Алекс ведал их благодаря Георгу. Такую материю учат по особому разрешению «Терема» под бдительным присмотром нескольких волхвов.

Алекс, пока их изучал, чуть четыре раза не получил ожоги третьей степени. Избежал он этого только потому, что рядом, пока он учил, находился Георг. Кстати, тренировался он создавать их в ТридесATOM царстве. Готовые знаки источают такую мощь, что непременно привлеки бы внимание теремных волхвов.

Дарья грациозно выпрыгнула из колодца. Рядом с ней на лапы приземлился Филимон. Обычно котов, когда идут через врата, берут на руки или тащат в переносках, а этот путешествует сам.

– Кот твоей тётки бывает в Кромке? – любопытствовал Алекс.

– Иногда я посылаю его заказать снадобья для Истидара.

Дальнейшие вопросы прервал грозовой раскат.

Но в Небытии не бывает гроз. Прослойка между мирами полуматериальна. Ее пространство ближе всего к переходу на Калиновом мосту в том месте, где переход принимает вид болота.

Небытие тусклое и размытое. Тебя всегда окружает туман. А рядом бродит кто-то осторожный, готовый напасть. И грома тут быть не может!

Алекс бросился через огненный круг за порог. Он ожидал увидеть вместо земли и неба привычное, проступающее из тумана болото, или серые низ и верх. Приготовился вдохнуть застоявшийся влажный воздух. Однако Небытие предстало оранжевым и ясным. Воздух сухой и горячий. А туман, подобно тучам, клубился вдалеке.

Конечно, никакой копии дома Сахаровской тётки здесь не строили. Только возвели постройку вокруг узкого перехода. И то всё исчезнет, как только ведуны уйдут в Кромку или Третье.

Алекс вытянул руку ладонью вниз и взмолился:

– Славная зем... не земля, туманная Тень Нулевого царства Кромки, верни свой первоначальный лик.

Туман хлынул к Алексу прорвавшим дамбу потоком. Белой стене оставалось несколько сот метров до постройки, когда Алекса с попутчиками накрыла громадная тень. Над их головами пролетела огромная птица. Внешне она походила на орла и была размером с пассажирский самолет. От взмахов огненных крыльев по Небытию расходились волны жара. По поверхности тумана заплясали оранжевые всполохи. Туман снова отступал.

У Алекса отвисла челюсть. Небытие исказило алый цвет пламени на оранжевый. Наверное, впервые с возникновения Кромки его освещает свет, и согревает жар живого огня.

Но что здесь делает огненный потомок?

Птица Рарог – дух огня Рарожич, потомок огненного божества Рарога в боевой ипостаси. Что он тут забыл? Это ему в Явское царство запонадобилось?!

Почему Георга не предупредили?

Рарожичи – древний огненный род Прави с вековыми привилегиями в царствах. И Алекс заставил одного из них наворачивать круги по Небытию.

Стоп!

Что-то тут не сходится. Рарог точно не пробивался в Третье. Иначе бы он такой шум поднял, Дарья бы услышала. И вернуться в Кромку ему вовсе не проблема. Правда, возможно, покинуть Небытие ему мешает противник.

Из тумана навстречу Рарогу вылетела громадная чёрная змея с крыльями летучей мыши и стальными перьями на боках. Тело ее скручивалось в кольца, в которых искрились электрические разряды.

Из-за огня и молний туман отступал всё дальше, а Небытие – ограниченный кусок мироздания. И туману в Небытии облаками не стать.

Нашли место для драки! Они так разломают все переходы!

– Прекратите! Стоп! Кому говорю?! Эй, слышите?! В Третье царство не пуцу! – заорал Алекс.

За ним встал Георг и с тревогой смотрел на потасовку.

– Вот это бой! – воскликнула Дарья, достала майфон и стала снимать.

Покажет потом богатырям на Заставе в качестве учебного фильма, какие бои бывают.

Подбежал Филя. По грудь мокрый: сгонял в Явь, намочился, настоящий подвиг для кота. Оставляя влажный след, он протоптал охранный круг вокруг людей и уселся у ног Георга.

От огненных крыльев Рарога в разные стороны разошлись ленты алого пламени. Молнии стремились поразить огненную птицу, а пламенные ленты бежали по молниям к змее. Треск электричества и громовые раскаты. Перья змеи накалились докрасна. Еще чуть-чуть и пойдет металлический дождь.

– Прекратите! – рявкнул Алекс. – Думаете, ворвались в Небытие и можете крушить установленную Правью природу?

Он осёкся.

Рарог получил несколько ударов током и пару чудовищных ударов хвостом, после чего змея упала в туман. Перед тем как она скрылась в белой мгле, Алекс видел, что ее перья накалились добела. Но не прошло и минуты, враги снова сошлись. Змея схватила Рарога в стальные объятия и тут же отпустила. Небытие оглушил усиленный во сто крат женский вопль. На оранжевую плоскость Небытия пролился металлический дождь. Капля размером с легковой автомобиль обрушилась на людей и кота.

– Два шага в Третье... Нет!

Расплавленный металл разбился на множество брызг. Ни одна не попала внутрь круга кошачьих следов. Филя удовлетворённо мяукнул. Рарог со змеей продолжали драться.

– Я сказал: хватит! – Алекс развел руки в стороны: всё, напросились. – Прошу, только остановить драчунов.

Он хлопнул в ладоши и скривился, ободранные пальцы болели.

Слабый вздох Матушки-Земли могучим ураганом вырвался из колодца-перехода и поколебал Небытие.

Прежде чем упасть, Алекс увидел, как огненную птицу и электрическую змею отбрасывало друг от друга. Кто-то подхватил его под мышки. Алекс задрал голову и увидел встревоженное лицо Георга.

– Это пекельный страж из Нижнего мира и Рарожич. Ты мог просто их окликнуть!

– Да не послушались они! А окликнуть поимённо я... Как? Страж? – Алекс замолчал и потрясённо уставился на Георга.

Что?!

Существо Нижнего царства – пекельный страж. Тот, кто не выпускает неуспокоенных из Железного царства.

«Это ее я должен решить, пропустить или нет?» – мысленно содрогнулся Алекс.

Если стражница, по голосу ясно – стражница, не примет отказа, испорченные отношения со Вторыми царствами? И еще Рарог...

Ничего себе гости!

Кромка связана с Навью и Правью не меньше, чем с Явью. Потому оно Нулевое царство. В Кромку может прийти любое существо из любого царства. Но чтобы существам, подобным Рарогу из Прави и стражам из Нави, войти в Третье царства, нужно получить разрешение от бога Чура или от Явского посла. И, как правило, подобные гости предупреждают о своем визите заранее, проходят в самые знаменитые врата с позволения самых-самых Явских послов.

В непрошенную мысль «Неужели я остался один?» невозможно поверить, да и не до этого.

Дарья опустила телефон и отступила назад. Георг очутился справа от Алекса.

Рарожич спустился вниз, его окутали языки пламени, а когда огонь развеялся, перед людьми и котом стоял юноша. Щёголь из Прави. Красная рубашка по последней моде Солнечного терема. Ростом Рарожич не уступал Георгу. Нос походил на клюв. Пшеничного цвета то перья, то волосы вспыхивали алым пламенем и слишком уж медленно становились кудрями.

«Да он еле сдерживается, чтобы не воспламениться. Такой же заносчивый, как Цепков. С каким бы делом он ни притащился, если пламя на его голове не станет волосами, в Явь не пушу!» – мысленно возмутился Алекс.

Рарожич как раз ему поклонился.

– Владыка границ и переходов...

Из его рта вырвалась струйка пламени.

Как невежливо!

Оплошав, Рарх задрал нос.

Алекс ободряюще улыбнулся.

«Невежа. И такого в Явь отпустили? Никакого ему Третьего царства», – решил он.

– Посол Праведной Прави.

– Старший сын Рарожичей, Рарх, – улыбнулся Георг.

Железные сапоги противницы Рарожича коснулись «земли». Дева с серой, отливающей сталью кожей и волосами цвета золы. Наряд ее – то ли кафтан, то ли сарафан из белого савана.

Пекельная стражница поклонилась сначала Георгу, затем Алексу. В отличие от Рарха, она серыми пальцами с железными ногтями прикоснулась к оранжевой поверхности.

Вот ее причина попасть в Третье царство должна быть веской и жуткой. Алекс ощутил, как растёт в нём тревога.

– Посол, владыка, огненный потомок напал на пекельных стражей.

– Кривда, – заносчиво возразил Рарх. – Я вошел во врата, вдруг мимо проскальзывает тень, я за ней, а в следующий миг их страж летит на меня с мечом наперевес, и мы падаем сюда. Тень же исчезла.

– Кривдиш-ш-шь, – прошипела стражница, обнажая железные зубы.

Рарог повернулся и обратился к Георгу:

– Посол, рассудите нас. У меня дело к потомку Сварожича. Рассчитываю на помощь и понимание посла Праведной Прави. Не для того я отправился в Третье царство, чтобы бороться с пекельной стражей внутри врат.

Потомки Сварога, Перуна, Велеса теперь – это потомки людей, чьи предки были одарены силами от соответствующих божеств. Спустя многие поколения эти силы по-прежнему в крови потомков.

Но тут вперед выступила Дарья:

– Это грузовые врата. Никто не пользуется ими для похода в гости. Гостевые Врата менее чем в трёх километрах от этих. Что же такие важные гости и через грузовые воротца?

Она по-прежнему сжимала веник: совсем не мирный знак, держи она так булаву, эффект был бы тот же. Другое дело – булавой получить не так стыдно.

Рарх смерил ее оружие взглядом, будто это меч. Веником увечишь неисчислима, чудного зверя, множество беглецов Второго царства, а Рарху из Прави с его огненной природой получить веником – это всё равно, что замораживающей дубинкой.

– Говорю же, я искал посла Первых царств, чтобы он помог мне встретиться с потомком Сварожича.

«Хм, дышать без огня изо рта не может, а делами заведует», – подумал Алекс, а вслух сказал:

– Если вы ищете Сварожичей и посла Прави, вы не могли тратить время на споры со стражами Второго мира.

– Коль за вас ручаются владыка и посол, я поверю, что не вы повинны в исчезновении моих коллег, – прошептала пекельная дева. – Однако прошу владыку и посла выслушать и мою службу. Две недели назад к нам попал неупокоенный дух. И в тот же день, а в вашу ночь он бежал. Его тень ведет в Небытие. Мои напарники преследуют беглеца, но печалюсь, его нечеткий след уводит в Явь, в Запертое царство.

– В Третье? Неслыханно, – пробормотал Рарх, раздувая ноздри-щёлки.

Алекс спокойно ждал, кто еще что скажет.

Случается, что неупокоенные души пробираются в Явь. Но в мире под солнцем и луной они чужие. Они не хотят вредить, но мертвое враждебно жизни. Живые существа рядом с ними чахнут. Некоторые неупокои приносят с собой оползни, ураганы, эпидемии.

Заклятые, притянутые очень плохими ведунами в Явь неупокои понимают, что творят, но не им выбирать, и вредят они против воли, да еще становятся схожи с неисчислимами.

Если душа после смерти жаждет мести и стремится вернуться в Срединный мир, то, вырвавшись, губит неисчислимов и живых существ. А если это душа проклятушника, то чем больше она загубит, тем сильнее походит на неисчислима.

Алекс этого не ведал, пока после битвы с колодой Георг не разжевал ему про заклятых и проклятушников. Теперь, услышав пекельную стражницу, он пришел в ужас: неупокой, да еще пекельник в Третьем. Но с другой стороны, одна стражница – не целый отряд.

– Прошу, позвольте мне продолжить погоню. Клянюсь владыке переходов, ведая, какой риск позволить мне войти. – Она снова поклонилась до земли, но теперь не прикасаясь к низу Небытия руками, а ее волосы застыли в воздухе. – Ни мне, ни беглецу нет места в Срединном мире.

Да, риск огромный. Плохо, что до сих пор не объявился новый посол Нави. Это значит, если разрешит Алекс пекельной стражнице войти в Третье царство, то Георгу с Цепковым

придется за ней присматривать. В свое время Георг взял у Финисты обязанности Навьего посла и до сих пор их выполняет.

Ох, если бы Георг нашел посла Нави. Навий посол, судья и каратель, изловил бы беглеца, и Алексу не пришлось бы решать, пропустить пекельную стражницу в Явское царство или отказать ей в гостеприимстве. Потому-то она и кланялась сначала Георгу, а не тому, кто решает пропустить ее в Третье царство или нет. Но оба решения скверно скажутся на вверенной Алексу области.

– Вашу ж ночь, – удивился Рарх. – Почему не доложили нам?

– Ваш же день, – не осталась в долгу стражница. – Мы доложили в Грозовую канцелярию.

У вас там неразбериха.

Рарожич сжал тонкие губы.

– Уважаемый владыка, беглец опасен. Его отражение, ох, тень... – начала стражница.

– Душа, – снисходительно подсказал Рарх.

– Не говори, чего не ведаешь, потомок небесного огня, – прошипела пекельная стражница.

Алекс понимал, пекельница со всеми говорит без прикрас и утаек. Вернее, не говорит, а шепчет и шипит. Но Рарх принял ее шипение на свой счёт. Огонь охватил его волосы. На его свету заблестели чешуйки, проступившие на коже стражницы. Из боков и локтей прямо через саван полезли металлические перья.

Алекс незаметно дернул Георга за рукав.

Брат тут же предложил:

– Сударь Рарх, сударыня, поговорим в другом месте. Сударыня, как вас называть?

– Меня звали Жаля.

Ох уж эта манера существ из Второго мира представляться в прошедшем времени.

Георг повернулся к Алексу:

– Пропусти их в Сени, пожалуйста.

– Шагните два раза.

Алекс сам сделал два шага, а за ним и вся компания. Они очутились на краю поля возле сосновой лесополосы. В нос ударил запах хвои и опрелой лесной подстилки. Сюда доносился шум машин. Над лентой лесополосы, закрывающей мостовую, торчали трубы завода. Трижды просвистела электричка.

Алекс «попросил» Георга предложить перейти в Сени, чтобы Рарх взял себя в руки. Сени – это мощный барьер, рукотворная пограничная зона возле врат. Гости, попавшие в Сени, но не получившие разрешения Явского посла, не могут войти в Третье Запертое царство. Но Сени – это не нейтральная полоска Небытия. И родная земля не только богатырям помогает...

Филимон рысцой помчался к дому. Кончик пушистого хвоста мелькал над травой.

«Теперь весь вымокнет. Трава-то мокрая», – посочувствовал коту Алекс.

Георг отвел Рарха к ёлкам. Огненный потомок почувствовал прохладу и влагу, и огонь на его голове враз стал золотыми прядями, похожими на перья.

«Знал бы, сразу бы сюда всех перетащил», – пожалел Алекс.

Дарья встала за его правым плечом, а стражница склонилась в вежливом поклоне. Алекс посмотрел на нее.

– Распрямитесь. Вы зашли в эти воротца, потому что в них скрылся беглец?

– Да. Они очень близки к месту его перехода к нам. Тень, про которую говорил огненный потомок, скорее всего, принадлежит ему.

Алекс нахмурился и уточнил:

– Ваш беглец чем-то отличается от других душ?

– Весьма искушён пить жизненные соки из живых, как неупокой, и силы из сущностей, как кровожадный неисчислим. Его слуги по-прежнему ему верны. Поэтому наша погоня до

сих пор его не настигла. Сожалею, скорее всего, он проскочил в Небытие, схоронился в тумане, воспользовался нашей с огненным потомком битвой и пробрался в Третье царство – в вашу подконтрольную область.

Алекс задумался.

Неупоккой в Васильках тоже вёл себя, как неисчислимым. Может, сегодняшний беглец окажется Васильковским? Жаля сказала, этот неупоккой попал к ним отсюда. А до Васильков отсюда-а... Но если сравнить с просторами Третьего царства, то да, близко. Хотя Цепковская свора за прошлый месяц такую прорву неупокоев привела к воротам в Железное царство...

И правда, откуда их столько? Да еще весной.

– Порчельник?

– Нет, владыка, – ответствовала Жаля. – Черночтец.

Алекс ошарашенно уставился на стражницу.

Черночтец – это ведун, который читает наизусть заклятия-проклятия, выученные по книгам, тогда как порчельник проклинает от души. Ему необязательно быть проклятушкой.

Черночтец? Серьёзно?

– Как он сбежал?

– Расправился со стражей.

Чего? Ра-расправился с пекельниками?!

– Мы печалимся, ему помогли, – вкрадчиво прошелестела Жаля и искоса глянула на затянутое тучами небо.

Алекс проследил за ее взглядом. На сером ковре туч кружились шиши и пара ярко-красных чертей. Но не на них намекала пекельная стражница.

Мало какой неупоккой может расправиться с пекельниками. Такие тысячами лет не появляются. Она думает, что черночтецу помог кто-то из Прави. Подобные случаи известны. Вот почему Жаля продолжила атаковать Рарха, даже когда поняла, что он не беглец из Нижнего мира. Она решила, что огненный Рарог пособник неупокоя.

– Стражница Жаля, если вы войдете в Третье царство, то подмогу кликнуть не сможете.

В Кромку могут выбраться существа из любого мира, но Третье царство – Запертое царство. Если Алекс разрешит Жале пройти, другим пекельным стражам он разрешений не давал и, скорее всего, не даст.

Как живущие сущности полны жизни, так Жаля наполнена смертью, она вытягивает жизнь, проклинает прикосновением. Где она в истинном облике пройдет, земля будет требовать очищения. Но неупокоившийся черночтец с возможностями неисчислима не менее опасен.

– Я ведаю. Мне известны правила пребывания в Средних царствах.

Правила, высеченные на всех вратах-переходах Нижнего мира. Что ж... Принятое решение нависло над Алексом богатырской булавой.

– Что ж, разрешаю стражнице Жале войти в Третье царство, чтобы поймать беглеца, за которым она гонится, и всех других неупокоенных, если таковые встретятся ей во время службы. Как только стражница Жаля схватит беглеца, разрешаю ей провалиться с ним и другими схваченными неупокоями, если такие будут, сквозь Матушку-Землю. И больше стражнице Жале подниматься в Явь запрещено.

Стражница поклонилась, благодарно прижав ладонь к груди.

И тут раздался будничным голос Рарха:

– У вас тут змей Горыныч улетает. Так и должно быть?

Все вскинули головы.

Да нет, шестиглавый змей Горыныч не улетал, а направлялся к ним. Похоже, он прорвался через большие Врата – громадные сосны, чьи треугольные верхушки темнели над тополями.

– Мр-р-а-а-а!

«Филимона и правда слышно с другого конца поля», – успел подумать Алекс, а следом за кошачьим воплем пристройка с грохотом разлетелась. Доски и обломки шифера летели вверх и в стороны. Вверх и в стороны мчались и Горынычи. Конечно, не взрослые змеи, которые крылом полнеба закрывают. Детёныши. Еще мелкие. С пятиэтажку. А шестиглавый из Врат так и вообще не больше грузовика.

Алекс смотрел, как трёхглавые, шестиглавые, девятиглавые змеята Горынычевы разлетались под пасмурным небом Третьего царства. Их лидер – двенадцатиголовый змеёныш, еще и простуженный, и потому чадящий из-под чешуи чёрным дымом, развернулся и помчался к ближайшей видневшейся многоэтажке. Остальные змеёныши Горынычи ринулись за ним. Шестиглавый захотел со всеми и с размаху врезался в невидимый барьер.

В Сени легко заходят люди, пробираются местные неисчислимы, но не громадные баснословные существа.

Шесть голов взревели. Из двенадцати глаз посыпались искры.

Да он так лесополосу подожжёт!

На рёв шестиглавого откликнулось несколько трёхглавых змеев. Как шестиглавному без разрешения в Сени не войти, так остальным Горынычам из них не выбраться.

– Можешь влететь в Сени, – процедил Алекс.

Упрямый шестиглавый Горыныч ударил лапами по невидимой преграде и чуть не упал, когда барьер его пропустил.

Возможно, сюда уже мчится «Терем», а здесь они с Георгом, сновидец и неведающий, в компании пекельной стражницы и огненного Рарожича.

Дарья подняла веник. Но что она могла сделать?

Возмутители порядка высоко в небе. Вот если бы они приземлились, она бы задала им трёпку. А бросать веником в одну из голов, когда у негодников их не меньше трёх, бессмысленно.

«Сплю я, что ли? Где духи полей?» – опомнился Алекс и закричал уже вслух:

– Это так вы охраняете свои территории? Тьфу!

– Я дал полевикам и межевикам задание, – повинулся Георг.

Вот почему никакой дух не вышел поздороваться, когда они шли сюда, и не бросился оборонять поле с лугом сейчас.

Алекс уставился на небо и насчитал не меньше пятнадцати Горынычей. Считал, конечно, по телам, по головам бесполезно.

– Позвольте помочь.

Пекельная стражница оборотилась громадной змеей, обвила телом шестиглавого Горыныча, тот мгновенно заснул, и плавно опустилась с ним на траву. За раз пол-луга примяли. В шести глотках рокотало так, будто каждая голова проглотила по мотоциклу.

Горынычи обитают на границе Кромки с Нижними царствами в Дремучем лесу. Алекс сразу отправил шестиглавого – змеёныша эдакого! – домой. Жаля ушла его провожать.

Но неужели грузовые воротца со стороны Кромки выходят так близко к реке Смородине? Да, нет, они в городе.

Оставшиеся змеёныши устраивали в воздухе свалки. Пасмурные сумерки дня почти превратились в беззвёздную ночь. А двенадцатиголовый уселся на поле и начал рыть всеми четырьмя лапами, чем сразу поднял грандиозный земляной фонтан. Крыльями он отбрасывал землю, при этом от его чешуи к небу тянулись струйки дыма.

Коптилка двенадцатиглавая! Подкоп устраивает.

– Куча-мала! Все на двенадцатиглавого! – рявкнул Алекс.

Горынычи ринулись выполнять, столкнулись в воздухе и перепутались шеями.

Двенадцатиголовый врылся в землю по туловищу, когда Алекс услышал звонкое эхо удара. Он видел, как от Горынычевой головы отскочил тёмный шарик. Горыныч прекратил

рыть и понурил голову. Остальные головы склонились над ней. Тут-то на бунтаря и приземлились товарищи. Через пять минут они всё еще не могли расцепить шеи.

– Я позову Дядюшкиных бесов и сестрицыных служек, – вздохнул Георг.

Вздохнул и Алекс.

Благо к воротцам притянуло много неисчислимов. Даже черти слетелись, хотя эти больше вносили сумятицы, чем помогали. Но последнюю неделю у Алекса с чертями был более-менее устаканенный квасом мир.

Георг повернулся к Рарожичу:

– Могу ли я просить Рарха помочь с распутыванием детёнышей Горыныча?

– С радостью помогу послу и владыке.

«С чего бы?» – язвительно спросил про себя Алекс.

Появилась Жаля, окинула бездушным взглядом кучу гудящих, как товарные поезда, Горынычей:

– Владыка границ и переходов, позвольте помочь...

Наконец, все змеёныши были водворены в Кромку на границу Дремучего леса. Там гора есть, в ней трещина, а в трещине Горынычевы палаты.

Сопроводив в обличии громадной змеи змеёнышей, Жаля поклонилась Алексу до земли, впрочем, не коснувшись ее, затем обернулась ужом и скрылась в траве.

После короткого разговора с Георгом Рарх поклонился Алексу:

– С вашего позволения, владыка границ.

– Позволяю выйти из вверенной мне земли Явской через ворота к Грозовой канцелярии.

«А лучше на окраину Первого неба, – добавил про себя Алекс, – и больше сюда не являться».

Георг проводил Рарха к колодцу через сад.

Алекс выждал немного и не спеша пошел за ними. От пристройки осталось полторы стены, часть крыши и два шеста – бывшие углы.

Ни Георга, ни Рарха.

Цветы полыни высыпались, их резкий запах стал сильнее. Повсюду валялись осколки кирпичей. Вместо колодца развороченная яма. Но даже так ворота открыты, пока Алекс их не запрет.

В отличие от начертанных кругов, ворота-калитки, хоть и имели в своей основе круги из символов, но их заговор больше походил на разрешение перехода в три шага или ход за горизонт.

Круг калитки не пострадал, и Алекс ее запер. Даром что для Георга все его ворота, куда бы они ни вели, имели ответвленный переход в Правь. Войти в него мог только Георг, ну сейчас с разрешения Алекса и Рарх.

Пришли богатыри Стас Буреломов с Некитом и отстроили пристройку заново. Занудный Гоша Седунов за час восстановил колодец. С богатырями в помощниках немудрено дело. В это время примчавшийся Истидар ладил домового.

– Мою тётку новой пристройкой не удивишь, – заверила Дарья.

И Алекс отправил ее вместе с Гошей в Кромку, там Горынычи повредили обе стороны перехода.

Прилетел на буром чёрте Цепков, помог Георгу ставить закрыти.

У Алекса язык чесался. Второй неупокой ведет себя, как порчельник. И если бы Жаля не сказала, что это чернотец, Алекс точно бы что-нибудь ляпнул Цепкову – главному порчельнику в их компании.

Потом Георг с Алексом наносили на стены обереги. Их стараниями в шесть вечера вокруг колодца вспыхнула огненная преграда, и Алекс распахнул ворота.

Георг задержался в доме, раздавал Гоше и богатырям указания. Алекс ждал его снаружи у входной двери и крутил в руках футбольный мяч. Тот самый шарик, что оглушил одну из голов Горыныча-подкопщика.

Мяч был такой грязный, что сначала невозможно было понять, какого он цвета. Алекс мочил в речке, поливал из шланга, затем мыл под краном. А потом долго-предолго оттирал руки. Дарье пришлось дать ему щёточку вычистить грязь из-под ногтей. Отмытый мяч оказался ярко-красным с царапинами на боку. Видать, какой-то бес играл. Чуть-чуть и порвал бы.

Кажется, Алекс знал, кому принадлежит живучий мяч. Странно, что он вообще залетел в Сени. Ладно на поле, но в Сени, да еще так удачно. Хорошо, его владелец не пошел за мячом. Просто этот человек иногда, как и этот мяч, частенько минует оградительные барьеры.

Алекс устало вздохнул.

Что за день?

Ну и отличился! Заставил ждать дорогого, что аж тьфу просто, гостя Георга. Зачем он через грузовые ворота полез? Спасибо, не совсем тупой: «Посол Прави, помогите найти Сварожича».

Кстати, оповещения не сработали, потому что никто из гостей не пытался выйти из Небытия.

Алекс смотрел на сонную Гусёлку.

Георг говорил по телефону с учесавшим в три шага в Библиотеку Гошей Седуновым. И Алекс решил подождать его на улице.

«Хм, а Рарх змеятам в ипостаси огненной птицы понравился. Они даже не сопротивлялись, когда он их когтями за шеи тянул», – вспомнил он.

Из воды на Алекса таращилась шишига. Когда Алекс на нее посмотрел, она громко шлёпнула ладошками по воде, выпятила грудь и указала рукой на небо. Еще губу от гордости выпятила.

Алекс хотел посмотреть, на что она указывает, но тут из дома выбежал Цепков.

Увидев Алекса, он проорал:

– Только ты мог сделать этого отбитого главным знахарем!

Он помчался через мокрый луг, наворачнулся, чуть не грохнулся в лужу и разразился ругательствами.

Алекс приложил руку ко лбу. Что правда, то правда, нашел Истидара он. Присягнул тогда еще не главный знахарь ему. Да, именно Алекс, а не Георг назначил Истидара главным над присягнувшими им знахарями. Алекс гордился своим решением безмерно. Ни разу не пожалел. Плевал он на мнение Цепкова. Истидар – гений исцеления ведунов в полевых условиях и пострадавших неисчислимов. Вот и сейчас Истидара вызвали сюда, чтобы он ладил домового.

Заслышав брань, шишига скрылась под водой. Подлетел бурый чёрт, дал Цепкову щелбан. Но Цепков увернулся, схватил окаянного за рога и вскочил ему на спину. Чёрт поднял Цепкова в воздух.

Алекс не очень любил ездить на чертях, а порчельники из Цепковской своры, похоже, считали рогатых своим профессиональным транспортом. Цепков на чёрте еще не скрылся за лесополосой, когда из дома вышел главный знахарь.

– Домовой полностью исцелится в полнолуние, – доложил Истидар и долгим взглядом проводил Цепкова с чёртом. – Наступил на репейника и заматерился. Я всего лишь попросил его умолкнуть.

Алекс кивнул.

– Отправь меня домой.

– Встань на порог, – назвал условие Алекс.

«Телепортация – наследие Явских владык», – безрадостно пропел Алекс про себя песенку из рекламы про отреставрированные ворота, когда главный знахарь исчез.

Из воды выскользнула змея и скрылась в траве. То ли Жаля, то ли местная...

Итак, он впустил в свою область пекельную стражницу. Но пока Жаля в личине змеи, окружающую среду не проклинает и жизненную энергию не вытягивает.

Из дома вышли Георг и Дарья. Богатырь-девица устало хмурилась и всё равно предложила проводить послов. Георг и Алекс отказались.

Дарья вернулась в дом.

Георг повернулся к Алексу и предложил:

– Поторопимся.

Алекс проследил за взглядом Георга, и зрачки его сузились. Перламутрово-серые облака неслись по небу бурной рекой. Поперёк облачной реки полз мерзкий нарост – громадная чёрно-лиловая туча.

Недосмотр Грозовой канцелярии или неприятный сюрприз от враждебного здухача? Тогда уж скорее от целой группы здухачей.

Что-что, но облакопогонник Льнов хоть куда. А сейчас не смог прогнать тучу, пусть и зловредную. Нежданные ливни-то он отвращает.

Деградирует Льнов, что ли?

Этого еще не хватало. В какой раз Алексу стало стыдно за подопечного.

Когда они проходили мимо дендрария, лиловая туча нависла над полями. Полудницы и межевички появлялись на полях и обочинах дорог. Все они глядели на зловещую тучу.

– А какое задание ты давал полевым духам? – вспомнил Алекс.

– Размежевать и проинструктировать полевых и межевиков на новых полях за городом. Через неделю пойдем проверим.

У десятиэтажки, к которой, кстати, стремился двенадцатиглавый Горыныч, на турникете подтягивался Захар Иванов. Драговит и Серый топтались рядом.

– Здоровья! – Захар уселся на турникете, энергично помахал Алексу и поинтересовался: – Твой мяч?

– Нет. Похож на твой.

– Посмотри, на нём есть следы от когтей окаянного будто таблица? Мы с ним в волейбол играли, да он его когтями, а потом как лягнет...

– Следы есть. А окаянного они или вихрового я без понятия.

Он бросил мяч хозяину.

Захар поймал его и повис на турникете вверх тормашками.

– Куда он упал?

– В поле, на землю.

– Чистый, – заметил Драговит и выразительно посмотрел на белые руки Алекса.

– И что? – спросил Алекс.

Под таким взглядом ему стоило усилий не спрятать руки в карманы.

– Витёк, чего к человеку цепляешься?

И Захар кинул мячом в Драговита. Витёк его схватил да чуть не упал.

– Благодарю за тюнинг мяча, – поблагодарил Захар Алекса. – На поле, значит, упал.

– Не повезло, – выдохнул Серый.

– Что, которой по голове попадет, та твоя суженая со спортивным уклоном будет? – не удержался Алекс.

– Почти. Видишь ли, какое дело. Та или тот станет мне другом и товарищем по спорту. Нам четвёртого для мини-футбола не хватает. А еще в прокат вышло «Взятие». У меня запасные 3D очки есть.

– Ага, встретимся в школе, – Алекс грубо перебил размечтавшегося Захара и поспешил следом за Георгом.

Старший ждал возле большой сосны.

«Не буду тебя радовать, ты попал по одной из голов змею Горынычу. У тебя не получится позвать только ту голову, которую твой мяч вырубил, так что запасных очков тебе понадобится еще одиннадцать пар. Хотя я бы посмотрел, как вы с Горынычем играете в футбол», – съязвил про себя Алекс.

– Бывай. Только заговор был не на того, в кого попадет, а на того, кто поднимет.

Но Алекс не слышал, иначе бы он громко рассмеялся. Гонять мяч, смотреть фильмы с Ивановым, у которого всё прямо и просто? А в придачу терпеть вечно вынюхивающего Драговита и Серого, который чуть что – в кусты? Правда, Серёжа стал теперь не такой уж и трус, но осторожный до ужаса.

У подъезда их догнал Цепков, отмывшийся от грязи и отошедший от общения с Истидаром.

– В роще номер пятьдесят три с прошлой ночи поднимаются клады. Их свет заметили русалки и сообщили Григорию Седунову, – отрапортовал порчельник.

– Еще больше недели, – произнёс Георг. – Что кладовые бесы?

– Волнуются. Самому старшему еще тысяча пятьсот тридцать лет и восемь месяцев сушиться. Сам не ведает, зачем вылез. Но он почти досушился. Другие клады тоже поднимаются раньше времени. Пятнадцать минут назад их было две сотни.

– Их нужно утихомирить и добыть! – ахнул Алекс.

Он-то представлял себе от силы два-три ларя. Но и такое количество было невероятным. Георг положил руку ему на плечо. Алекс замолчал.

– Рощу очертили?

– Да. Клады внутри продолжают появляться. Первый досушится завтра около семи утра.

– Поставьте часовых. Если прекратят подниматься или появятся за пределами рощи, немедленно доложите. На рассвете дам указания.

Наконец, прибежали домой. Георг запер за собой входную дверь и повернулся к Алексу.

– Я попрошу тебя об одной вещи.

Алекс оживился: «Неужели Георг поручит ему разобраться с кладами?»

– Меня какое-то время не будет...

«Так и знал. Рарх позвал его в Правь», – посерьёзnel Алекс.

– Если узнаешь, что проказит неисчислимый, даже самый безобидный, пошли ребят. Ничего не предпринимай в одиночку и без острой необходимости. Если не останется выбора и нужно будет вмешаться, обратись к Гоше или Даше. У тебя есть все телефоны и строки. Но лучше дождись меня. Понял?

– Без тебя ни с кем и ни с чем разбираться не пойду. Когда отбываешь? – деланно бодрым голосом спросил Алекс.

Не такое задание он ожидал. Царевна в тереме он, что ли?

– С минуты на минуту.

– Ясно.

– Если что случится, позовешь Гошу?

– Что случись, Дарью позову.

– Как хочешь, – не возразил Георг и ласково сжал Алексу плечо. – Григорий на нашей стороне.

– Угу.

«Вот это-то мне и непонятно. Почему чуть что у тебя слабый сновидец?» – печально подумал Алекс.

– Вот и ладно.

– Брат, удачи.

Георг встал на порог и с разрешения Алекса шагнул в Правь.

Лиловая туча или нет, а гроза началась.

Алекс лежал, завернувшись в одеяло. Домовой шуршал в гостиной.

Неестественная туча. Львов как облакогонник весьма силён и сейчас должен вкалывать как треклятый.

Возможно ли, чтобы Георг отправился в Правь из-за тучи? Или он пошел по приглашению Рарожича?

Еще нужны помощники – луг с полем после Горынычей исцелить. Позвала Дарья Сахарова русалок?

Но все размышления перечёркивала мысль, что по его области носится опасный неупокой, а за ним ползает пекельный страж.

В окно видно, как в неровном свете фонаря колышутся каштаны. Слышно, как вдалеке урчит гром.

Грозовики гонят конкретного беса или пугают всех неисчислимов?

Георг в Правь. Может, это ему дали пострелять?

Так надеялся Алекс, когда тёмное небо озаряла очередная вспышка. За ней неизменно следовал громовой раскат. Больно много заклятых духов пробираются на его территорию.

Прогоните их, молоньцы.

Алекс заснул. Ему снилось, что он едет в вагоне, а все остальные пассажиры – когтистые тени. Алекса они не замечали. Одна из теней пошла к выходу, но, поравнявшись с Алексом, начала медленно поворачиваться.

Алекс замер от ужаса. Он знал, что нельзя, чтобы тень его увидела. Взгляд его ужасен. Алекс откуда-то ведал, что владелец тени «он». Если тень на него взглянет, то случится ужасное и непоправимое. Алекс отчаянно хотел уменьшиться, стать невидимым. Нужно хотя бы сползти с сидения... но было не пошевелиться.

Сквозь сон прорвался громогласный раскат грома, и на Алекса навалился домовый.

– К добру или?.. – прохрипел Алекс.

– К добру, к добру.

Домовой ушел.

Алекс открыл глаза. Темно. Домовой оставил дверь в комнату приоткрытой. На кухне тихо переговаривались и громко звенели посудой родители. Теперь они приходили с работы, но очень поздно. Алекс перевернулся на другой бок.

Дальше до ненавистной какофонии будильника ему снились крыши Солнечного терема в Правь.

Как главный знахарь Цепкова донял

Горислав Цепков сидел на полу в гостиной тётки Дарьи Сахаровой на пушистом ковре. Двумя пальцами он держал репейника – неисчислима размером с мышь. Тельце бесёнка покрывали колючки, точь-в-точь как на стебле крапивы. А курточка – шипы роз. Пару минут назад проказник бросился Цепкову под ноги, а тот не заметил его и наступил.

И как только сюда забралась мелкая неисчислима, когда на окне вырезаны мощные обереги?

Эх, вот что значит близость открытого перехода в Кромку и заболевший домовой. Тюли, которыми была увита гостиная, поглотили очередную порцию нецензурной брани.

В этот момент в гостиную вошел Истидар.

– Этого выбрось в окно, – немедленно распорядился он. – И прекрати поминать неисчислимов. Их тут и так как на Ивана Ведьмарского собралось. Дарья на взводе.

– Разуйся, иначе Даша тебе башку оторвет, – бросил в ответ главный порчельник.

– Она велела не разуваться... – Истидар посмотрел на колючего бесёнка, – из-за них.

И правда, когда Горислав прилетел, богатырь-девица что-то ему крикнула, но он не слышал, сильно мешали злыдни, горланившие частушки, и не переспросил.

– Тебя домового ладить позвали? Вот и катись на кухню...

В этот момент колючий пленник тонюсенько заверещал.

– Заткнись! – рявкнул Цепков и сжал руку.

Шипы впились в ладонь, но он и не думал ослаблять хватку.

– Колючки оторву... Твою ж!

Истидар как раз двинулся к окну, но споткнулся о ковёр, козни свободных репейников, смахнул стоящую на краю стола вазочку и растянулся на полу.

Вазочка с букетом васильков опрокинулась Цепкову на голову. Главный порчельник неистово затряс головой. В стороны полетели брызги и васильки.

– Извини.

Но главный порчельник всё еще хватал ртом воздух и не ответил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.